

Монтегю Саммерс

ВАМПИРЫ

В ВЕРОВАНИЯХ И ЛЕГЕНДАХ

Vampirus

Август Монтегю Саммерс

Вампиры в верованиях и легендах

«Центрполиграф»

2010

УДК 291.216
ББК 86.42

Саммерс А.

Вампиры в верованиях и легендах / А. Саммерс —
«Центрполиграф», 2010

ISBN 978-5-9524-4941-1

Преподобный Монтегю Саммерс, английский писатель и знаток готического романа, католический клирик и исследователь оккультизма, автор работ по истории ведьмовства и демонологии, по географии ведовства, оборотничества и вампиризма, в своей книге прослеживает мрачные предания о вампирах до истоков их возникновения. В поисках внятного толкования характерных черт и действий вампиров, попытке сформулировать гипотезу, которая могла бы объяснить эти жуткие явления, Саммерс приводит множество примеров и случаев вампиризма. На основе свидетельств очевидцев он рассказывает о привычках, особенностях, внешнем виде и отличительных признаках вампиров и способах защиты от них.

УДК 291.216

ББК 86.42

ISBN 978-5-9524-4941-1

© Саммерс А., 2010
© Центрполиграф, 2010

Содержание

Предисловие священника Брокарда Сюэлла	5
Предисловие автора	11
Глава 1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Монтегю Саммерс

Вампиры в верованиях и легендах

Предисловие священника Брокарда Сьюэлла

Преподобный Монтегю Саммерс (1880–1947) был одной из самых таинственных и загадочных, хотя и одной из самых ярких фигур в литературном мире и обществе Лондона на протяжении первой половины XX в. Он много писал по истории драмы эпохи Реставрации (два его больших труда «Театр эпохи Реставрации» (1934) и «Драматический театр Пеписа» (1935) незаменимы для получения консультаций и ссылок) и был эрудированным редактором и комментатором драматических произведений Афры Бен, Конгрина, Драйдена, Шэдвелла, Отвея и Уичерли. К тому же Уичерли был главным основателем общества «Феникс», которое провело бесценную работу и стало первопроходцем, возродив драму эпохи Реставрации на сцене Лондона в начале 20-х гг. XX в. И таков был авторитет этого общества, что ведущие актеры и актрисы того времени были рады принимать участие в его постановках, а такие выдающиеся личности, как леди Кунард, сэр Эдмунд Госс и сэр Томас Бичэм, почитали за честь взять их под свое покровительство.

Монтегю Саммерс был также авторитетом в области готического романа. Его «Исследования Готики» (1938) и по сей день являются самой лучшей книгой по этой теме, а его «Библиография Готики» (1940) представляет собой незаменимый справочник, несмотря на недостатки, имевшие место ввиду того, что он составлялся в военное время, когда доступ к иностранным библиотекам был невозможен. Саммерс был редактором новых изданий таких типично готических романов, как «Замок Отранто» Хораса Уолпола, «Зофлора, или Мавр» Шарлотты Дейке, «Некромант» Фламенберга и «Ужасные тайны» маркиза Гросса, – ко всем из них он написал ценные вступления.

Однако Саммерс более известен как автор и издатель серии произведений по истории колдовства, черной магии и тому подобной тематике, начав с «Истории колдовства и демонологии» (1926), «Географии черной магии» (1927) и «Вампира и иже с ним» (1928). Все эти произведения были недавно переизданы издательством «Юниверсити букс» под редакцией господина Феликса Морроу. Саммерс был переводчиком и редактором первого и единственного английского издания самого крупного классического произведения по колдовству *Malleus Maleficarum* Спенджера и Крамера (Лион, 1484). Он был автором переводов на английский язык книг Синистрари «Демонизм» и «Признания Мадлен Бавен, одержимой бесами монахини из Лувьера», которые стали предметом судебных разбирательств, закончившихся осуждением книг как непристойных с конфискацией всех оставшихся непроданных экземпляров. (Конец 20-х – начало 30-х гг. XX в. в Британии было временем таких дурацких судебных процессов, когда ряд ценных произведений – и среди них такой прекрасный роман, как «Колодец одиночества», – был запрещен невежественными судебными чиновниками.)

Монтегю Саммерс умер внезапно 10 августа 1948 г., и его дела пришли в совершенный беспорядок ввиду вскоре последовавшей смерти его секретаря и наследника Гектора Стюарта-Форбса, который был единственным человеком, кто мог бы предоставить необходимый материал для написания биографии этого замечательного человека. К сожалению, все личные бумаги Саммерса и его литературные труды исчезли, за исключением рукописи его неопубликованной автобиографии под названием «Китайские тени», которую мне посчастливилось отыскать и которая в настоящее время находится у меня. Эта книга сейчас готовится к печати, и она охватывает только карьеру Саммерса-литератора и театрального деятеля. Вторая ее часть, которая находилась у него в проекте и должна была описывать его карьеру священнослужителя,

теля и его изыскания в области оккультизма, так никогда и не была написана. Но за несколько лет мне удалось собрать сведения, касающиеся всех аспектов жизни Монтегю Саммерса, и в настоящее время они готовятся к публикации как отдельная книга мемуаров друга Саммерса господина Жозефа Жерома.

Саммерс был загадкой и при жизни. Его друзья помнят его добрейшим и милейшим человеком, обладавшим даром гостеприимства. Но есть и другие, которые утверждают, что он был «мрачным». В мемуарах и биографиях того времени можно найти сотню забавных и слегка скандальных анекдотов о нем. Но в некоторых кругах к нему относились с боязливой тревогой – и не только потому, что у него был потрясающий дар находить уничтожающие остроумные ответы и он не мог снисходительно относиться к людской глупости. Ходили слухи, что он был не просто историком, изучавшим черную магию, которую он описывал с таким знанием дела и удовольствием. Кажется вероятным, что в его юности имели место некие известные лишь ему одному и немногим другим людям события, о которых лучше забыть. Вполне возможно, что предостережения, которые звучали в его книгах, об опасности занятий черной магией основывались на каких-то его собственных давних экспериментах. Он публично выступал в защиту повторного введения смертной казни за занятия колдовством – и, несомненно, он делал это искренне. Если некоторые считали его кем-то вроде церковного доктора Фауста, то другие видели в нем современного Мэтью Хопкинса, и его иногда называли «искателем ведьм», что сильно его забавляло.

Также строились – и строятся по сей день – предположения относительно происхождения святых орденов, членом которых был Саммерс. Ведь он носил платье священнослужителя древнего и удивительного покроя и был очень педантичен при чтении католического требника. Но его имя не фигурирует в списках священнослужителей ни Римско-католической, ни англиканской церкви, и он, по-видимому, не имел церковной должности, хотя у него была личная часовня, в которой он служил мессу при каждой смене своего местожительства. Если Саммерс сам давал понять, что он католический священник, то чаще его считали приходским священником, лишенным духовного сана. Это утверждение не соответствовало истине, но оно забавляло Саммерса, и он не прилагал усилий к тому, чтобы его опровергнуть.

Однако известно следующее. Саммерс, бывший выпускником оксфордского Тринити-колледжа, получил духовный сан англиканской церкви в 1908 г. Одно это давало ему бесспорное право называться «преподобным», что часто ставилось под сомнение. Но в 1909 г. Саммерс покинул англиканскую церковь и начал готовиться к получению сана священника Римско-католической церкви в богословской семинарии неподалеку от Лондона. Видимо, он продолжил свою учебу в Европе (возможно, в Лёвене, Бельгия, иногда этот город называют по-французски Лувен). Он был рукоположен по канонам Римско-католической церкви, но, когда встал вопрос о принятии им духовного сана, высшие духовные лица в Англии вынесли неблагоприятное для него решение. Разумеется, причины для вынесения решения такого рода обычно остаются известными только властям и человеку, которого оно касается. Это может объясняться не более чем временной неспособностью со стороны кандидата исполнять обязанности священника. Личность Саммерса и некоторые его интересы были достаточно необычны, чтобы стали понятны колебания епископа, который затем отказался посвятить его в духовный сан.

Но Саммерс, видимо, все же получил духовное звание несколько позже, либо – как он давал понять – от католического епископа в Италии, либо от какого-нибудь *episcopus vagans* («старого католика» или от кого-то вроде него), рукоположение от которого было бы признано правомерным, хотя и незаконным в Риме. Молодому человеку, который обычно служил мессу для Саммерса в его личной часовне в Ричмонде в 1927 г., однажды была показана, как явствует из описания, подлинная аттестация о рукоположении, подписанная итальянским епископом. Но так как все личные бумаги Саммерса потеряны, маловероятно, что этот документ когда-

нибудь найдется. Тот факт, что Саммерс никогда не представлял свою аттестацию ни одному английскому католическому епископу, говорит о вероятности того, что его рукоположение было получено каким-то образом тайно и формально незаконно. Однако оно тем не менее делало Саммерса священником; но каждое исполнение им его обязанностей (функций) было вызовом церковным порядкам и подвергало его осуждению и наказанию со стороны церковного закона.

В своем предисловии к новому изданию «Истории колдовства и демонологии» Саммерса Феликс Морроу пишет: «Думаю, большинство объективных людей, изучающих эту тему, согласится со мной в том, что эта притягательная и иногда ужасающая книга была написана серьезным и талантливым священником, который твердо и последовательно придерживался идеи неразделимой связи, существующей между сверхъестественным и колдовством. Вряд ли хоть один беспристрастный читатель этой книги не согласится с этим, но определенная доля сдержанности, наверное, необходима, и господин Морроу в предыдущем абзаце уже заставил нас насторожиться». Саммерс, по его словам, был римским католическим священником, «но тон и настрой его книги, а также некоторые его взгляды... едва ли согласуются с определенными официальными или полуофициальными высказываниями католической церкви». Саммерс обладал очень глубокими знаниями и был, несомненно, католическим священником, по крайней мере в том смысле, что обладал священными знаками отличия, которые католики признавали имеющими силу. Но он ни в каком смысле не имел разрешения и полномочий совершать богослужения от имени Римско-католической церкви. С точки зрения церкви он действовал без разрешения на свой страх и риск и не отвечал ни перед кем, кроме самого себя, не признанный ни одним епископом, не имеющий прихода или какой-нибудь выгодной должности. Поэтому к любому заявлению, которое мог сделать Саммерс о том, что *его* мнение по какому-либо вопросу является настоящей точкой зрения католической церкви в противоположность тому, что предлагают другие католические авторы, требуется относиться с величайшей осторожностью.

Все книги Монтегю Саммерса по черной магии и смежным темам явно написаны со строго традиционной католической точки зрения, и поэтому естественно, что их иногда принимают за выражение мнения церкви по этому предмету. Но люди, знакомые с церковным правом, поймут, что отсутствие какого-либо разрешения отчетливо указывает на то, что абсолютную ортодоксальность этих трудов нельзя считать доказанной.¹ Нельзя сказать, что в книгах Саммерса можно найти что-то действительно необычное. Напротив, он был хорошим богословом и ярым католиком. Но временами, когда речь заходит о спорных вопросах, складывается впечатление, что *его* точка зрения является единственной, которой может придерживаться католик. Однако церковь не претендует на то, чтобы давать готовый ответ на любой вопрос, который может возникнуть. Ее заботой является сохранность вверенной ей веры, но пространство, в пределах которого по широкому кругу вопросов католики совершенно свободно могут выбирать различные точки зрения, гораздо больше, чем принято считать. Поэтому взгляды, которых придерживаются католики по вопросам, выходящим за строгие рамки веры, часто расходятся, а то, что в какой-то период является среди католиков мнением большинства по тому или иному вопросу, может уже не быть таковым спустя какое-то время. Взгляды Саммерса на черную магию, безусловно, отражали мнение большинства католиков в XV в.; в наши дни все обстоит иначе. Похожие сдвиги акцентов можно увидеть в развитии, например, католической идеи эволюции, социализма, библейской критики и множества других тем. Так, в то время,

¹ Церковный закон 1385 Кодекса *Juris Canonici* устанавливает, что книги, написанные католиками на религиозные темы или темы, тесно связанные с религией, не могут быть опубликованы без санкции епископа или другого местного священника, исполняющего обязанности судьи. Закон 1386 оговаривает, что все книги, написанные церковнослужителями на любые темы, требуют такого же разрешения. Это разрешение не подразумевает какую бы то ни было положительную оценку данного произведения. Оно просто указывает на то, что книга не содержит ничего, что противоречило бы католической вере.

когда колдовство в настоящее время, как и раньше, строго запрещено церковью, католик волен придерживаться каких угодно взглядов на объяснение случаев колдовства и их происхождение. Точно так же церковь запрещает католикам участвовать в спиритических сеансах, но не выносит никакого решения относительно *природы* этих явлений.

Не может быть никаких сомнений в глубоких знаниях и авторитете Саммерса в этой области. Видимо, его ошибкой было считать общепринятые взгляды на черную магию в эпоху Средневековья и ближайшего к нему периода постсредневековья мнением всех католиков, а не точкой зрения, которой придерживались очень многие – и часто знаменитые – католики, церковники и миряне на протяжении длительного времени. Как следствие, он предоставлял булле папы Иннокентия VIII *Summis desiderantes affectibus* («Всеми силами души») полномочия, выходящие за рамки тех, на которые согласился бы любой современный богослов; и из-за этого папского одобрения авторов-доминиканцев, написавших *Malleus Maleficarum* («Молот ведьм»), он был склонен считать эту пророческую книгу такой же авторитетной, что и папскую буллу.

Саммерсу особенно не нравился осторожный и критический подход его современника-иезуита отца Герберта Терстона, тоже известного исследователя и регистратора паранормальных явлений. Терстон был очень осторожным и внимательным исследователем. Если его мнение об оккультных явлениях было скорее скептическим, то его методы были, по крайней мере, созвучны традиционной осмотрительности церковных иерархов и богословов при рассмотрении таких вопросов. Нежелание теологов допускать вмешательство сверхъестественных сил до тех пор, пока все другие возможные объяснения паранормальных явлений не будут исключены, всегда являло собой живой контраст готовности простых верующих увидеть знамения и чудеса божественного или дьявольского происхождения. (Позиция церковных властей в Ла-Салете в 1847 г. и Лурде в 1858 г. является тому прекрасной иллюстрацией.)

Монтегю Саммерсу нравилось считать себя «осторожным и обстоятельным исследователем», как он где-то называет себя; но это не всегда так. И не то чтобы ему не хватало критического подхода или ему не были известны традиционные правила «испытания духов». Но увлеченность своим собственным взглядом на вещи иногда мешала ему судить здраво, а склонность принимать то, что говорил какой-нибудь Боге, Реми или Дельриу, и пропускать то, что говорил Терстон или Улисс Шевалье,² делает его временами ненадежным консультантом. Но когда все уже сказано и сделано, книги Саммерса по черной магии представляют собой необыкновенный и уникальный клад информации и критических замечаний образованного человека. Я с воодушевлением приветствую их повторное издание.

Говоря о книге «Вампиры в Европе» и ее предшественнице «Вампиры и иже с ними», следует заметить, что они поистине составляют единое целое и могут рассматриваться вместе. И хотя уже прошли времена общества «Феникс», а Саммерс имел прочное положение писателя и смог оставить свою работу школьного учителя, которой он занимался с 1912 по 1926 г., его издатели начали оказывать на него сильное давление в то время, когда появились две его книги о вампирах. Его «История колдовства» (1926) имела такой успех, что издатели захотели еще и еще. В 1928 г. Саммерс повторно издал книгу «Открытие ведьм» Мэтью Хопкинса, в которой было помещено одно из его лучших предисловий. И в том же году появилась его книга «Молоточек», а вслед за ней в 1929 г. «Испытание ведьм» Боге и *Compendium Maleficarum* Гуаццо. В 1927 г. вышло его великолепное издание, содержащее предисловие на более чем двести страниц, «Полное собрание сочинений Томаса Шэдвелла», а в 1928 г. – новое издание книги Джона Даунса *Roscius Anglicanus*. Поэтому можно понять, почему книги о вампирах кажутся написанными чуть более небрежно, чем «История и география черной магии». Граница между текстом и примечаниями не всегда отчетливо видна, что, вероятно, доставляет

² Шевалье Улисс – автор первого критического исследования Священного дома Лоретто.

неудобство читателю. Но автор переносит нас от одного ужаса к другому самой силой своего яркого и сильно заряженного прозаического стиля, начиная с первой фразы из «Вампиров»: «Во всем огромном мрачном (призрачном) мире духов и демонов нет ни одного существа столь же ужасного, внушающего такой же трепет и отвращение, и одновременно столь же страшно притягательного, как вампир, который сам не является ни духом, ни демоном, а тем, кто пользуется темными силами и обладает таинственными и ужасными качествами обоих».

Саммерс, разумеется, всему этому верит; но кто-то, вероятно, может предпочесть его легковёрность ожесточенному скептицизму издателей книги Г.С. Ли «Материалы по Истории черной магии» (Нью-Йорк: Томас Йозелофф, 1957), который, по-видимому, нашел произведения Саммерса слишком надуманными. О скептиках Саммерс пишет в своем предисловии к книге «Вампиры в Европе». Свою позицию он четко обрисовывает в одной из своих последних работ, которую он написал для публикации:³ «В архивных документах о колдовстве, или магии, или чародействе, когда я изучал их в Европе, Испании и России, Англии и Италии, я сталкивался не раз и не два, а буквально постоянно с теми же самыми поверьями, необычайными происшествиями, необъясненными и (насколько это известно) непостижимыми». Если бы научные открытия, особенно, наверное, в области психологии, пролили свет на некоторые из этих давних явлений, они не стали бы от этого менее ужасными, а способность церкви изгонять нечистую силу не стала бы менее эффективной. Как пишет Саммерс: «Тщательные исследования физических явлений, которые за последние годы были столь плодотворными, и даже современные научные открытия доказали истинность многих древних документов и давних суеверий». Самыми первыми в ряду таких отмеченных явлений стоят явления вампиризма и смены облика (оборотни).

Легенды об оборотнях и вампирах тесно связаны. Например, в сказаниях славянских народов существует поверье, что человек, бывший оборотнем при жизни, станет вампиром после своей смерти. Представления о вампирах, как известно, особенно сильны в славянских странах, так что место действия известного рассказа Брема Стокера «Дракула» очень кстати находится в Трансильвании (Трансильвания, ныне в Румынии, в прошлом, до завоевания венграми в конце IX–XI в., была в значительной мере славянизирована, а еще раньше, в начале нашей эры, входила в состав Дакии, завоеванной римским императором Траяном; даки – племена фракийского происхождения, позже романизированные, затем частично славянизированные. – *Ред.*). Но схожие верования можно найти и в Азии, и им Саммерс посвящает одну главу в первой из своих двух книг о вампирах. В книге «Вампиры в Европе» он упоминает о двух случаях в Америке, но лишь мимоходом. К сожалению, Америка не входила в поле его исследований.

Но как бы сильно Саммерсу ни нравился современный скептический подход отца Терстона и других исследователей, он совершенно беспристрастен, когда записывает мнения, отличающиеся от его собственного. Так, он уведомляет своих читателей, что архиепископ XVIII в. Даванцати, автор редкой книги *Dissertazione sopra i Vampiri*, утверждал, что «появление вампиров не что иное, как фантазия». В Западной Европе предания о вампирах стали широко известны не ранее конца XVII в. Трактат Даванцати был опубликован в Неаполе в 1744 г.; «Трактат о явлениях духов и вампиров», написанный Домом Кальме, появился около века спустя. В Англии знания о вампирах получили широкое распространение благодаря таким художественным произведениям, как «Вампир Варни» Томаса Пескета Преста (Лондон, 1847) и «Дракула» Брема Стокера. Но еще до XVI в. в Западной Европе происходит много отдельных случаев вампиризма или схожих с ним явлений. Саммерс упоминает первые такие происшествия в Англии, которые были зафиксированы в XII в. Уильямом из Ньюбурга в *Historia Rerum Anglicarum* и Уолтером Мэпом в *De Nugicis Curialium*. Как он пишет, «некоторые аспекты кол-

³ Это предисловие к книге «Колдовство и магия в Африке», написанной Фредериком Кейгом (Лондон, 1957).

довства имеют много общего с преданиями о вампирах, особенно осуществление той пагубной силы, посредством которой ведьма заставляла своих врагов хиреть, слабеть и чахнуть, иссушая их, как сено». Случаи вампиризма в Англии в наши дни редки; но те, кто считает, что это давно в прошлом, могут оценить слова покойного почтенного Ральфа Ширли (двоюродного брата Джона Каупера, авторитета во многих вопросах оккультизма). «Поистине, можно сомневаться, – пишет он, – несмотря на отсутствие каких-либо письменных свидетельств, совершенно ли отсутствует вампиризм в той или иной форме в современной цивилизации, как это принято считать. Разумеется, такие вещи не попадают в газеты, и, очевидно, обычный медик отметит случаи такого рода как чистую галлюцинацию». Со страниц этой книги мы узнаем, что изыскания Саммерса не были просто вопросом библиотечных знаний, а включали в себя непосредственное расследование и расспросы в тех местах, где вера в вампиров и вампиризм была по-прежнему распространена. Из главы «Современная Греция» мы узнаем, что Саммерс был в Греции в течение 1906–1907 гг., когда он посетил Крит и остров Санторини (Тира), самый южный (из крупных) остров Киклад (архипелаг на юге Эгейского моря, территория Греции. – *Пер.*). Этот его визит был не первым. Еще в 1895 г. он услышал устные предания о вампирах в Мандудионе на Эвбее (греческий остров в Эгейском море – у юго-восточного побережья Греции. – *Пер.*), а также в Коккинимилии, «крошечной деревушке, до которой можно добраться на муле».

Возможно, критику, которой Саммерс подверг книгу Джорджа Лаймана Китреджа «Колдовство в Старой и Новой Англии», можно с некоторой долей истины применить и к его собственным книгам о вампирах и оборотнях, сказав, что они представляют собой ряд не связанных между собой рассказов, а объединяет их тот факт, что они все имеют отношение к одной и той же теме. Вычурный стиль Саммерса – очень возвышенный в лучшем случае – и его любимый прием вставлять время от времени какое-нибудь архаичное слово или выражение очень подходят к этим сокровенным темам, которые он раскрывает. В немалой степени притягательность этих необычных книг сокрыта в случайном ключе к разгадке, который обнаружит внимательный читатель, и с его помощью случайный луч света прольется на необычную жизнь и личность их автора. Его изыскания, без сомнения, были упорными, его память – поразительной, а его проза – глубокой и звучной.

На протяжении 1927 г. удивительную и мрачную фигуру преподобного Монтегю Саммерса в черной сутане, плаще, башмаках с пряжками а-ля Людовик XIV и шляпе с загнутыми по бокам полями часто можно было увидеть входящей или выходящей из читального зала Британского музея с большой черной папкой в руках, на белой наклейке которой сбоку кроваво-красными прописными буквами было написано «ВАМПИРЫ». Это было просто частью особого стиля Саммерса и его чувства юмора – тех качеств, которые делали его таким превосходным затейником и рассказчиком. Некоторые люди, судя только по этим характеристикам, полагали, что он не хотел, чтобы его изыскания в области черной магии и демонологии воспринимали всерьез. Никакого длительного знакомства с ним не было бы достаточно, чтобы показать им, что они ошибаются. Вот как Саммерс пишет в изданном после его смерти предисловии к новому изданию книги Ричарда Бове «Пандемониум» (1684): «Культе зла, как бы он ни отличался в незначительных деталях в разных странах и в разные времена, везде одинаков; и во все времена он был одинаковым, как и сейчас. Авторитет таких писателей, как Крамер и Спренджер, епископ Бинсфилд, Боден, Дельрио, Гуаццо, Лоренцо Ананья, Де Ланкре – если называть лишь некоторые имена, – следует отстаивать везде».

Монастырь Эйлсфорд близ Мейдстона, Кент, Англия

Предисловие автора

В предыдущем исследовании под названием «Вампир и иже с ним» я предпринял попытку проследить мрачные предания о вампирах до их истоков, пока они не затеряются в веках далекой древности, потому что эти поразительные и распространенные во всем мире верования существовали еще у первобытных людей. Они играли особенно важную роль в повседневной жизни и обычаях как семьи, так и всего самого дикого туземного племени из самых отдаленных уголков – особенно в погребальных ритуалах. Благодаря, как я думаю, правде, лежащей в их основе, какой бы преувеличенной она ни была по своему выражению и способу передачи и которая, по сути, наполняет предания о вампирах, легенда о них не умерла. Пока человек шел по пути цивилизации, она продолжала существовать, теряя многое из того, что было в ней чудовищного, но сохраняя весь ужас, так как ужас был частью правды.

Я также пытался найти какое-нибудь толкование характерным чертам и действиям вампиров и сформулировать какую-нибудь гипотезу, которая могла бы объяснить эти жуткие явления. В таком трудном и запутанном деле было бы поистине опасно отважиться утверждать, что мои предположения охватывают больше чем несколько хорошо известных и достоверно изложенных случаев вампиризма. Тем не менее я с огромным удовлетворением узнал, что многие серьезные ученые, глубоко изучающие оккультизм, почти полностью согласны с моими утверждениями. И я осмеливаюсь думать, что, возможно, я, по крайней мере, привел какое-то более ясное и подробное разъяснение.

Человеку недалекому, псевдоученому и материалисту, эти таинственные и непостижимые вещи должны, вероятно, казаться старушечьими сказками.

И хотя, безусловно, при записи преданий о вампирах было необходимо, чтобы были приведены различные примеры и случаи вампиризма, они в значительной степени иллюстрировали какой-то отдельный момент и были в некотором смысле случайными. Настоящая книга, которую можно считать неким дополнением к предыдущей, содержит ряд рассказов о случаях вампиризма в европейских странах. Разумеется, не все эти истории имеют одну и ту же доказательную ценность. Нельзя было пренебречь историями, рассказанными крестьянами, и случайным фольклором. И мы снова встаем перед фактом, что тот или иной случай вампиризма не теряет, а очень быстро и уверенно выигрывает от пересказа. И тогда необходимо различать такие случаи и делать скидку на приукрашивание. И хотя я не изменил ни один текст, я взял за образец правило чрезвычайно критически настроенного, строгого и рассудительного летописца Жана Мабильона, которое состояло в том, чтобы записывать «несомненные факты как бесспорные, ложь – как фальшь, а недостоверные вещи – как сомнительные».

Только самые предвзятые люди будут отрицать, что большое число случаев вампиризма должно считать несомненными фактами.

Даже во многих других рассказах, которые невозможно передать в подробностях, кажется, не вызывает сомнения то, что основные факты – правда, тогда как второстепенные оказались приукрашенными ради красного словца. Такова история о вампире из Кроглин-Грейндж. Господин Чарлз Г. Харпер, который изучал эту местность, уверяет меня, что господин Огастес Хэр был, несомненно, щедр на краски. На самом деле не существует местности под названием Кроглин-Грейндж. Есть Кроглин-Хай-Холл и Лоу-Холл, и последнее название, вероятно, является тем самым местом. Господин Харпер указывает: «Это местечко находится на расстоянии по крайней мере одной мили от церкви, которая была перестроена. На церковном дворе нет никакого надгробия, которое можно было бы благодаря полету фантазии отождествить с тем, что описал господин Хэр». Эти расхождения, конечно, не свидетельствуют против правдивости истории, но следует помнить, что рассказчик, который так смешивает фантазию с фактами ради произведения впечатления, берет на себя большую ответственность.

Он открывает путь скептицизму, который будет использован как во благо, так и во зло. Если история рассказывается для того, чтобы вызвать содрогание и нервную дрожь, — хорошо, пусть красной краской будет густой слой. Но пишите заглавие без двусмысленности: за ним последует стародавняя необыкновенная история.

О случаях вампиризма можно сказать, что в наши дни они редкие оккультные феномены. И тем не менее я далеко не уверен в том, что можно обоснованно говорить о том, что сейчас они менее часты, нежели в прошлые века. Ясно одно: дело не в том, что они не происходят, а в том, что их тщательно замалчивают и утаивают. В поле моего зрения попал не один такой случай. В «Оккультном ревю» за январь 1929 г. капитан Дж. А. Хоуп под заглавием «Непреодолимая преграда» рассказывает ужасную историю о вампире. Есть даже вампиры-животные. Все знают про вампиров — летучих мышей. И вскоре после этого газеты опубликовали краткий рассказ о вампире-волке (как предполагают), который по ночам пил кровь овец и даже крупного рогатого скота.

Госпожа Хейес сообщила мне о своей встрече с вампиром, которая произошла с ней десять лет назад. К счастью, в этом случае она не пострадала, возможно, потому, что эта злая сила (хотя и опасная по своему намерению) была старовата и немощна, и у нее не было достаточного запаса той новой энергии, которой она жаждала, чтобы более эффективно, активно и злобно заявить о себе.

Случилось так, что в июне 1918 г. госпожа Хейес снимала небольшой дом в Пенли, на юге графства Девон, неподалеку от Дартмута. Она пишет: «Со мной жила подруга, а так мы были там совершенно одни. Однажды утром мы нашли на паркетном полу в гостиной один-единственный грязный след раздвоенного копыта. Дом и окна в нем были очень малы, так что животное не могло проникнуть внутрь. Точно так же было невозможно, чтобы оно оставило один-единственный след. Мы везде искали второй отпечаток копыта, но безуспешно. На протяжении нескольких ночей у меня было весьма неприятное и пугающее чувство присутствия невидимого, но абсолютно реального существа. Мне не было покоя, пока я не развесила по всему дому чеснок, который выступил в роли амулета. Я прибегла к нему как к последнему средству».

В своей недавно вышедшей книге «Странные происшествия» капитан Гуд написал о «следах дьявола», которые время от времени появлялись на юге Девона. И вполне можно подумать, что призрак в Пенли был вызван дьявольской силой, энергия которой продолжает существовать, и что когда-то ранее сатанисты проживали или собирались в этом месте и проводили свои сатанинские обряды. Но очищение дома при помощи чеснока безошибочно указывает на то, что этот ужас имел определенное вампирическое происхождение. У меня нет сомнений в том, что существует много мест, которые точно так же кишат темными силами, и что время от времени вампир в большей или меньшей степени проявляет себя. Однако точная природа этих проявлений не выявлена, а эти случаи не зафиксированы.

Мне остается только поблагодарить за несколько содержательных предложений и поощрить за горячий интерес тех друзей, которых я упомянул в своем предисловии к книге «Вампир и иже с ним». Я искренне благодарен многим людям, изучающим тайные силы, и великодушным корреспондентам, чьи наилучшие пожелания я высоко ценю и которые к тому же прилагали большие усилия к тому, чтобы предоставить мне ценный и незаурядный материал из своего собственного жизненного опыта.

Благодаря любезному согласию месье Джорджа Брифффа в книгу включена «Веселая черная месса» месье Фернана Хертенбергера. Она была написана для издания La-Bas, опубликованного в сборнике «Книга библиофила» в Париже в 1926 г.

Выражаю свою особую признательность господину Чарлзу Г. Харперу за разрешение воспроизвести в качестве иллюстрации его рисунок Кроглин-Лоу-Холла, который впервые появился в его известном произведении «Дом с привидениями».

Глава 1

Вампиры в Древней Греции и Риме

И хотя можно сказать, что, строго говоря, у греческих и римских авторов нет – возможно, лишь за одним исключением – легенд о вампирах или ссылок на них, согласно самому точному определению этого слова, данному в таких традиционных источниках, как «Международный словарь» Вебстера (Уэбстера) и «Столетний словарь» Уитни, тем не менее часто встречаются туманные упоминания о схожих между собой суевериях, эзотерических обрядах и церемониях, которые, безусловно, доказывают, что вампиризм не был неизвестен в Италии и Греции в древние времена. Вебстер так объясняет слово «вампир»: «Кровососущий призрак ожившего тела умершего человека; душа воскресшего тела умершего человека, которая вышла из могилы и бродит по ночам, сосая кровь спящих людей, что приводит к их смерти». Уитни называет вампиром «некое призрачное тело, которое, согласно суевериям, существующим у славян и других народов на землях в нижнем течении Дуная, покидает могилу ночью и поддерживает видимость жизни, сосая теплую кровь живых мужчин и женщин, пока они спят. Вампирами становятся умершие колдуны, оборотни, еретики и другие изгои, а также незаконнорожденные отпрыски родителей, которые сами являются незаконнорожденными, а также все те, кого убил вампир».

В верованиях греков и римлян существовали некие страшные и опасные злые духи и сосущие кровь призраки, но особым признаком вампира, согласно славянским преданиям, является оживление мертвого тела, которое наделяется некими мистическими свойствами, такими как неуловимость и временная неразрушимость. В Древнем мире вампиризм был тесно связан с черной магией, и среди приближенных Гекаты, царицы мира призраков (Геката в греческой мифологии первоначально богиня луны, суда и искупления; с V в. до н. э. превращается в покровительницу зла, колдовства, душ умерших. – *Ред.*), мы находим безобразных и ужасных гоблинов, которых называли *епопигес*, бесшумных ночных наблюдателей, которые, возможно, имели что-то общее с ужасными «ночными прачками» из бретонской легенды, самыми жестокими, кровожадными и коварными вурдалаками. У Ликофрона есть упоминание о том, что слово *епопигес* также, по-видимому, означало «спутники» и упоминание о зловещем человеке, в обществе которого они нуждались для сопровождения. Утром и вечером, ночной порой и в ясный полдень призрачная тень всегда была при нем. Время от времени в его ушах отдавался эхом слабый звук шагов. Это присутствие, то незаметное, то ужасающе осязаемое, чувствовалось всегда до тех пор, пока несчастный человек, доведенный до безумия и отчаяния, рано не сходил в могилу.

Другим слугой Гекаты был Мормо, который, будучи изначально омерзительным и опасным какодемоном, превратился в буку, которым пугают маленьких детей. Но самыми мрачными и жестокими изо всей этой свиты были *эмпусы*, злобные и вредные существа, во многих отношениях странным образом родственные вампиру. Такой отвратительный призрак, который имел обыкновение появляться с головокружительной быстротой в тысяче мерзких обликов, упоминается Аристофаном в «Лягушках» в диалоге между Дионисом и Ксантием, когда они переплывали озеро Акеруса.

А в *Ecclesiazusae* есть следующий диалог, написанный в 1054–1057 гг.:

«Вторая ведьма. Поди сюда.

Юноша (девушке). Любимая моя, не будь безучастна, смотри: это существо тащит меня!

Вторая ведьма. Это не я, это Закон тащит тебя.

Юноша. Это гнусный вампир в кровавом облачении злится и мучит меня».

Следует отметить, что в этом переводе Бикли Роджерса слово «эмпуса» (в греческом оригинале) на самом деле переводится как «вампир». Возможно, это ближайший по значению эквивалент, хотя всегда следует помнить о том, что вампир – это умерший человек, который на самом деле не умер, а благодаря неким обстоятельствам способен вести ужасную жизнь в облике трупа. Эмпуса был демоном, то есть злым духом, который мог принимать телесный облик, видимый и осязаемый, но который тем не менее не был человеческой плотью и кровью.

Более всего известен и достоверен случай, связанный с эмпусой, который приводит Филострат в «Жизни Аполлония из Тианы» (кн. 4, гл. 25). Обсуждая учеников великого философа, его биограф рассказывает нам:

«Среди них был Менипп, двадцатипятилетний ликиец, наделенный рассудительностью и таким великолепно пропорциональным телосложением, что внешне он напоминал прекрасного атлета. Многие считали, что этого Мениппа любит красивая и изящная чужестранка; говорили, что она богата. Хотя, как оказалось, все это была лишь видимость. Когда однажды он один шел по дороге в Кенхреи (гавань восточнее Коринфа. – *Пер.*), он встретил женщину-призрак, которая схватила его за руку и заявила, что она давно уже любит его, что она финикийка и живет в окрестностях Коринфа. Она назвала конкретную местность и сказала: „Когда сегодня вечером ты дойдешь до этого места, ты услышишь мой голос, я буду петь. Ты выпьешь вина, которого не пил никогда в своей жизни, и никто тебя не побеспокоит. И мы, два таких прекрасных создания, будем жить вместе“. Юноша согласился на это, так как, хотя он вообще-то и был рьяным философом, он поддался нежной страсти и пришел к ней вечером и в дальнейшем всегда искал ее общества, как своей любимой, потому что еще не понял, что она была просто призраком.

Тогда Аполлоний оглядел Мениппа взглядом скульптора и сделал с него набросок; оглядев его и заметив недостатки, он сказал: „Ты красивый юноша, и за тобой бегают красивые женщины, но в этом случае ты любишь змею, и змея любит тебя“. А когда Менипп выразил удивление, он добавил: „Ведь эта женщина из тех, на которых нельзя жениться. Зачем тебе это? Ты думаешь, что она любит тебя?“ – „Да, – ответил юноша, – потому что она ведет себя так, будто любит меня“. – „И ты женишься на ней?“ – спросил Аполлоний. „Ну да, ведь так прекрасно жениться на женщине, которая любит тебя“. Тогда Аполлоний спросил, когда состоится свадьба. „Наверное, завтра, – сказал юноша, – так как дело не терпит отлагательства“. Аполлоний подождал, когда настал час завтрака в день свадьбы, и, появившись перед только что прибывшими гостями, сказал: „Где же эта изящная девушка, по чьей просьбе вы пришли?“ – „Вот она“, – ответил Менипп и, краснея, приподнялся со своего места. „А кому из вас принадлежит золото и серебро и все остальные украшения праздничного зала?“ – „Ей, – ответил юноша, – потому что мое здесь только это“ – и указал на плащ философа, который был на нем надет.

И Аполлоний сказал: „Вы слышали о садах Тантала, которые и существуют, и нет?“ – „Да, – ответили все. – В стихах Гомера, ведь мы никогда не спускались в Гадес“. – „И таковыми вы должны считать эти украшения, так как это не реальность, а видимость реальности. Пойми правдивость моих слов: твоя прекрасная невеста – вампир, то есть одно из тех существ, которых многие считают чудовищами. Эти существа влюбляются и преданы

радостям Афродиты, но особенно они любят плоть человеческих существ. Они с таким удовольствием заманивают в ловушку тех, кого они хотят сожрать на своих пиршествах“. Девушка сказала: „Прекрати свои зловещие речи и уходи“. Она сделала вид, что возмущена услышанным, и, несомненно, собиралась побранить философов и сказать, что они всегда городят чепуху. Но когда золотые кубки и серебро оказались легкими, как воздух, задрожали и исчезли из вида (а разносчики вина, повара и слуги пропали еще до упреков Аполлония), женщина-призрак притворилась, что плачет, и стала умолять его не мучить ее и не заставлять ее признаваться в том, кем она была на самом деле. Но Аполлоний настаивал на своем и не отпускал ее, и тогда она призналась, что она вампир и откармливала Мениппа, прежде чем пожрать его тело, так как она обычно питалась молодыми и красивыми телами, потому что в них течет чистая и сильная кровь. Я так подробно все излагал, потому что было необходимо рассказать эту широко известную историю об Аполлонии. Ведь многие люди знают ее и знают также, что этот случай произошел в центре Эллады. Но они слышали только в общих чертах, что он однажды поймал и победил в Коринфе женщину-вампира, и никогда не слышали ни о том, что она собиралась сделать, ни о том, что Аполлоний сделал это, чтобы спасти Мениппа. Но своим рассказом я обязан Дамису и написанному им произведению».

Эта знаменитая легенда, разумеется, хорошо известна английским читателям из лучшей поэмы Китса «Ламия». В ней он бессознательно или намеренно добавил один-два штриха вампиризма, которых нет в оригинале. Например, когда женщина-вампир в первый раз видит «молодого Ликия из Коринфа», она «теряет голову от любви к нему», что очень сильно напоминает транс, в который впадает жертва вампира. Когда она собирается уйти:

Еще мгновенье – с ней бы унеслись
Любви необоримой упованья,
Но он поник без чувств от горького терзанья.
Жестокая, все так же холодна
(Хотя бы тень раскаянья видна
Была в глазах, сверкнувших пылом страсти),
Устами, вновь рожденными для счастья,
В его уста жизнь новую влила –
Ту, что искусно сетью оплела.

Поэма заканчивается так:

«Змея!» – воскликнул громко... в этот миг
Послышался сердца пронзивший крик –
И ламия исчезла... Упоенье
Ушло от Ликия, и в то ж мгновенье
Угасла жизнь... Друзьями окружен,
Простерт на ложе без движенья он:
И обернули тело в свадебный хитон.⁴

⁴ Перевод С. Сухарева.

Возможно, эти предположения совершенно случайны, но нужно признать, что они, по крайней мере, просто поразительны.

К концу III в., когда язычество отчаянно боролось с христианством и предвидело свое поражение, приверженцы старого языческого мира в поиске какой-нибудь выдающейся фигуры, которую они могли бы выдвинуть в качестве соперника Христу, в отчаянии решили сделать им Аполлония, в честь которого, как и в честь многих других богов, возводили храмы и молельни в различных частях Малой Азии, где с болезненной жадностью воспринимались новые объекты поклонения. Затем яростный гонитель христиан Иерокл, который был правителем Вифинии и Египта при императоре Диоклетиане, написал трактат «Любитель правды» («Филалет»). В нем он попытался показать, что философ из Тианы так же мудр и свят, так же способен совершать чудеса и изгонять бесов, как и мессия из Назарета. Разумеется, его труд был чрезвычайно оскорбительным, и с ответом на него выступили многие авторы, особенно Евсебий из Цезареи, «отец истории церкви», который на самом деле мог легко избавиться от своего соперника. Евсебий заявил, что способность Аполлония творить чудеса, вероятно, сильно преувеличена, а то, чего он все-таки достиг, было сделано благодаря черной магии. Существовало предположение – совершенно неоправданное, – что Филострат замыслил свое произведение «Жизнь Аполлония» как яростный протест против Евангелий. Ничто не могло быть дальше от правды, чем это, так как Евсебий особенно указывает на то, что, пока Иерокл издавал свой богохульный трактат, ни один языческий автор даже и не думал выдвигать Аполлония в качестве ровни и соперника Иисусу Христу. Следует также помнить, что первые языческие полемисты богохульно восхваляли других философов в качестве соперников нашего Спасителя. А Лактанций сообщает нам, что было обычным делом, когда люди утверждали, что Аполлоний творил большие чудеса, нежели Христос. Он пишет: «Удивительно, что они забывают упомянуть Апулея (древнеримский писатель II в. н. э. – *Пер.*), о котором рассказывают самые изумительные истории». Быстро вспоминают, что святой Августин сказал о «Метаморфозах» («Золотой осел») Апулея: «Aut indicauit, aut finxit» (либо автор рассказывает подлинную историю, либо, возможно, это выдумка).

В отношении Мениппа и эмпусы Евсебий замечает: «Юноша был, несомненно, жертвой вселившегося в него злого духа. И он, и эмпуса, и ламия, которая, как говорят, проделывала безумные шутки с Мениппом, были, вероятно, изгнаны из него с помощью более могучего демона».

Любопытную легенду рассказывают о некоем Поликрите, которого Колен де Планси считал либо вампиром, либо великаном-людоедом. В Термоне, Этолия (область на западе Средней Греции. – *Пер.*), жил когда-то человек по имени Поликрит, которого люди из-за его справедливости и честности назначили правителем своей страны. Этот пост он занимал в течение трех лет, и все о нем были хорошего мнения. И приблизительно в конце этого срока он женился на женщине из Локриды (соседняя с Этолией область Древней Греции, ныне в составе префектур (номов) Этолия и Акарнания и, юго-восточнее, Фокида. – *Ред.*). На четвертую ночь после своего бракосочетания он внезапно умер. Его жена, которая от него понесла, в должный срок стала матерью гермафродита, после чего жрецы и авгуры предрекли, что это рождение двуполого человека предвещает кровопролитную войну между этолийцами и локридянами. И архонты решили, что и мать, и ее ребенок, принесший такое дурное предзнаменование, должны быть сожжены заживо и эта казнь – дабы предотвратить несчастье – должна состояться в пределах Этолии. Был приготовлен костер, но, как только его собрались поджечь, появился сам Поликрит, мертвенно-бледный и страшный, облаченный в длинное черное одеяние в пятнах крови. Все ринулись бежать, но призрак приказал им вернуться без боязни. Страшным голосом он предупредил их, что, если они сожгут его жену и ребенка, ничто не сможет предотвратить самое ужасное. Но, видя, что, несмотря на все увещевания, толпа, испытывавшая благоговейный страх перед своими прорицателями и чародеями, собирается убить ребенка на месте,

Поликрит внезапно схватил ребенка, разорвал зубами на куски и начал глотать окровавленные куски мяса. Толпа разразилась ужасными воплями и стала кидать в призрак камни, но он не исчезал до тех пор, пока лишь голова ребенка осталась несожранной. Судьи и старейшины в ужасе громко закричали, что немедленно нужно послать посольство в священные Дельфы, чтобы узнать там значение этих знамений. Голова, однако, внезапно заговорила и напроорочила самые страшные несчастья, которые вскоре исполнились. Позже голову выставили на столбе на рыночной площади. Спустя день или два, открыв глаза, сверкавшие яростью, она хриплым голосом, исходившим из мертвенно-бледных губ, объявила, что в недавнем сражении армия этолийцев, которая вышла сражаться с грубыми и воинственными акарнанцами (Акарнания – область к западу от Этолии, ныне объединена с ней в составе нома Этолия и Акарнания), оказалась разбитой. Вскоре это подтвердилось.

В длинном списке призраков древности, приведенном Луи Лаватером в его трактате *De Spectris, Lemuribus et magnis atque insolitis Frigoribus*, есть такие:

«Маниои, по Фесту, – это ужасающе безобразные или отвратительные люди. Во многом такие же ларуои, которыми няньки пугают непослушных детей. Мормо – это существо женского пола омерзительного вида, ламия; иногда считают, что это то же самое, что и ларуои. Никифор в своей „Истории церкви“ пишет, что название *Gilo* давали призракам, которые бродили по ночам.

Древние авторы считали ламий женщинами, обладавшими ужасной способностью вынимать свои глаза, или разновидностью злых духов или призраков. Они появлялись под личиной очаровательных куртизанок, которые своими соблазнительными уловками завлекали розовощеких пухлых щеголей в свои объятия, а затем пожирали. Филострат в „Жизни Аполлония“ рассказывает нам необыкновенную легенду о Мениппе, который попал в когти ламии. Он также пишет, что ламий иногда называют ларуа, а лемуры часто известны как эмпусы; няньки пугают ими детей. Дион Хрисостом рассказывает, что в Центральной Африке есть некие свирепые звери, которых называют ламиями. Они имеют облик красивых женщин, а их груди так белы и прекрасны, что никакая кисть не смогла бы написать такие. Они умышленно показывают их, тем самым завлекая мужчин своей похотью и хитростью, а потом жестоко калечат и загрызают своих жертв. Как сказал пророк Иеремия в „Плаче“ (одна из книг Ветхого Завета, приписываемая пророку Иеремии, в которой описывается разрушение в 586 г. до н. э. Иерусалима вавилонянами. – *Пер.*), „даже ламии обнажили грудь“. Апулей пишет, что ламии – это просто пугало для непослушных детей.

Ламий также называют вампирами. Говорят, что вампиры – это птицы, предвещающие беду, которые сосут кровь детей, лежащих в колыбели. Этим именем также прозвали ведьм, которых Фест называет колдуньями (*uolaticae*). Имя Горгона просто придумано для того, чтобы пугать непослушных детей. Рассказывают, что горгоны были самыми ненасытными существами, очень похожими на ламий».

Павсаний сообщает, что в Коринфе дети Медеи после своей смерти будто бы начали убивать младенцев и что они прекратили терроризировать таким образом город только тогда, когда коринфяне выполнили предписание оракула, введя ежегодные жертвоприношения в их честь и поставив на их могиле скульптуру отвратительной женщины или ламии (Эвмениды. Изд. С.О. Мюллер. С. 141).

Эфиальты и гифиальты, инкубы и суккубы – это призраки, которые появляются ночью, или бесы и чертенята. Авторы работ по медицине и медики говорят, что недомогание и болезнь вызывают такие галлюцинации. Эмпуса представляет собой привидение или призрак, который внезапно появляется, нападает на незадачливых людей и постоянно меняет свой облик. По большей части эмпуса появляется в полдень в слепящем свете солнца. Подробности можно найти у лексикографа Сюдаса.

Вера в то, что духи мертвых возвращаются, была так же широко распространена среди греков и римлян, создавших высокоразвитые цивилизации, как и у нас в наши дни и как во все времена по всему миру. К этому мы можем в полном смысле слова применить закон Винсента: «*Quod semper, quod ubique et ab omnibus*» («Что повсюду, что для всех и что всегда»). Жители Афин считали, что на великом празднике Антестерии души умерших возвращаются из Гадеса и бродят по городу. Месяц антестерион был восьмым в году афинян и соответствовал концу февраля и началу марта; и именно в это время призраки бродили повсюду. Можно сказать, что у афинян это было официальное время поминовения мертвых, большой День Всех Душ, и если – каковой является самая очевидная и естественная интерпретация этого названия – это слово означает Праздник цветов, то тогда это прекрасное представление о том, что усопший должен вернуться на землю вместе с раскрывающимся бутонем цветка, чтобы навестить свой дом, когда дух природы вновь возрождается к жизни со всем буйством красок, цветов и молодости. Этот праздник некоторым образом венчал людские надежды и обещал бессмертие, которое мы находим во всех религиях, в первый день Пасхи. Праздник Антестерии длился три дня, и, хотя его подробности и точные обряды неясны, не может быть сомнений в том, что в это время происходило некое церемониальное представление смерти и воскрешения Диониса. Это может показаться парадоксальным, но это был и праздник-пирушка с распитием вин, а не только праздник мертвых. Следует помнить, что в первобытные времена духи умерших считались не просто членами племени, а очень могущественными его членами. Если о них забывали просто потому, что они не имеют видимой оболочки, они могли очень сильно обидеться за такое пренебрежение, и, соответственно, их следовало умиловать приношениями еды и питья. Эти подношения иногда были постоянными, а иногда временными, так как по прошествии лет считалось, что духи умерших уже ушли очень далеко и навсегда и больше не связаны с племенем. Так что если они снова приходили из той далекой страны, то так долг был их путь, что они могли возвратиться только как младенцы, и их души не обладали памятью о предыдущем существовании.

И все-таки было большой ошибкой предполагать, что только страх внушал благоговение и заставлял заботиться об умерших. Любовь тоже играла свою роль, и во время праздника Антестерии следовало привечать усопших. Соответственно, им следовало накрывать на стол, на их тарелки накладывать мясо и деликатесы, а кубки заполнять до краев лучшим вином.

В большинстве стран Европы схожие верования относительно этого ежегодного возвращения мертвых находят свое выражение 2 ноября, и это День Всех Душ. Если эта дата выпадает на воскресенье, День памяти всех умерших верующих переносится на следующий день, 3 ноября. Во времена раннего христианства имена умерших вносили в диптих (в данном случае: две воощенные дощечки для письма, соединенные петлями. – *Пер.*). В течение VI в. в бенедиктинских монастырях стало уже обычаем торжественно праздновать день памяти умерших членов каждой общины приблизительно в день Святой Троицы. В Испании во времена святой Иисидоры Севильской (ок. 560–636 н. э.) такой день праздновали в субботу перед Шестидесятиницей или, по крайней мере, в субботу не позднее Троицы. Уидукинд, аббат Корвейского монастыря (ок. 980 н. э.), повествует, что давно существовала очень почитаемая традиция публично молиться за мертвых 1 октября. И приблизительно в это же время, в 980 г. н. э., церковь одобрила и ввела день официального поминовения. В 998 г. святой Одило, пятый аббат Ключни, в своем собственном доме, церквях, часовнях и хижинах отшельников ввел День Всех

Душ. Вскоре этот праздник был перенят всеми другими религиозными братствами ордена, а сразу после основания ордена картезианцев в 1080 г. и ими тоже. Видимо, епархия Льеж была первой, где этот праздник был введен при епископе Нотгере, умершем в 1008 г. Он найден в мартирологии святого Протадия из Безансона (1053–1066). Епископ Отрик (1120–1125) ввел эти торжества в Милане, сделав дату 15 октября тем днем, когда их следует праздновать. В обрядах Греческой православной церкви такое поминовение проводят накануне воскресенья Шестидесятницы или в канун Троицы. Армяне празднуют уход мертвых на следующий день после Пасхи.

Раньше обедня по усопшим, которую служат все священники, была дополнительной службой, которую следовало читать после обедни во время праздника Всех Святых, но согласно новым правилам сейчас она главное событие дня и содержит все обычные составляющие. В Испании, Португалии и Латинской Америке священникам разрешалось служить три обедни, и это указом от 11 августа 1915 г. стало правом священников во всем мире. Описание торжественного папского богослужения, которое обычно проводилось 2 ноября, когда главный пенитенциарий проводил заупокойную мессу, а папа римский давал со своего трона отпущение грехов, можно найти у Гаэтано Морони в «Богослужении папы римского». На следующий день папское богослужение проводилось в честь годовщины всех умерших пап и кардиналов, и тогда над алтарем в Сикстинской капелле вешали знаменитый гобелен с изображением Лазаря. По этому случаю кардинал Камерленго совершал богослужение. Первоначально Александр IV, который правил с 1254 по 1261 г., назначил 5 сентября днем этого поминовения, но позднее его перенесли на 3 ноября как более подходящий день.

В Бретани существует поверье, что накануне Дня Всех Душ умершие навещают живых с наступлением ночи. Из всех стран Бретань является таким местом, где умершие ближе всего. В день прощения Тромени они, как считается, даже принимают в нем участие. Этот праздник отмечается во второе воскресенье июля, и, хотя колокола в церкви Локронана весело звонят, слышны и медленные, печальные удары во время чтения молитв по умершим. Тромени, если вспомнить, – это не только паломничество для живых; умершие, которые не успели совершить его при жизни, поднимаются из Страны душ и приходят, чтобы принять в нем участие. Среди мужчин и женщин в черных одеждах и старых бретонских плащах находятся группы теней, поднявшихся с церковных погостов.

Говорят, что деревенская церковь в Бретани является самым малолюдным и грустным местом в мире, и, когда накануне Дня Всех Душ отзвучит вечерняя молитва, после панихид и *plasebo* («я буду угоден» – первое слово в заупокойном песнопении на латинском языке. – *Пер.*) на своем родном языке люди идут по домам, чтобы собраться вокруг огня и поговорить приглушенными голосами о тех, которые ушли раньше в мир иной. А в это время хорошие хозяйки покрывают стол белоснежной скатертью без единого пятнышка, ставят на него сыр, сидр и горячие блины прямо из печи, и семья садится отдыхать. Всю ночь напролет мертвые греются у очага и едят пищу, которая была для этого приготовлена. Есть люди, которые расскажут вам, что в такую ночь с призраками они слышали скрип скамейки и звук осторожных шагов, похожий на шелест сухих листьев. Согласно древним легендам, пустынный край Менес – это то место, где бродят несчастные умершие, шепча и вздыхая по временам, которые прошли давным-давно.

В городе Брюгге День Всех Душ празднуют очень торжественно. В канун праздника свечи в домах горят всю ночь, а колокола звонят до полуночи или даже до рассвета. Мало найдется окон с незадернутыми занавесками, в которых не стояла бы свеча или фонарь, чтобы умершие могли найти дорогу к дому с холодного церковного кладбища. В Бельгии широко распространен обычай печь пироги или хлеб «для душ» 1 ноября, которые съедают на следующий день. Полагают, что это должно каким-то загадочным образом помогать умершим. Возможно, когда-то существовало суеверие: поев за призраков, человек придавал им сил, что, по крайней

мере, частично объясняет обычай устраивать великолепные погребальные пиры, можно сказать, почти празднества, который распространен во многих странах. Эскимосы с Аляски верят, что в особых случаях духи могут на самом деле войти в тела их родственников и так отведают то, что едят живые. Схожая идея, вероятно, привела к возникновению ирландских поминок, на которых усопшему оказывают тем большие почести, чем больше потребляется пищи и питья. В Диксмейде (Западная Фландрия, Бельгия) существует народное поверье, что за каждый съеденный пирог какая-нибудь душа освобождается от чистилища. В Антверпене и некоторых других бельгийских городах хлеб пекут, добавляя в тесто шафран, от которого он приобретает насыщенный желтый цвет, который может напоминать об очистительном пламени этого края надежд и скорби. В День Всех Душ, да и в течение всего ноября пожилые люди в Антверпене будут предупреждать, чтобы вы не хлопали дверью или окнами, чтобы не задеть призраков.

Во всей Южной Германии и Австрии тщательно соблюдаются схожие обычаи и ритуалы. Так, в районе Лехрайн праздник Всех Душ оказался полностью затененным следующим днем. Во второй половине дня 1 ноября жители сел идут на церковные кладбища и там оставляют пирожки и булочки голодным покойникам. Такие пирожки называются «души», а делают их из самой лучшей белой муки традиционным способом. Многие из них ставят на тарелках в церкви вместе с мукой, овсом и ячменем. В некоторых местах в День Всех Душ пищу в больших количествах кидают в огонь; на столы ставят зажженные свечи, пустые тарелки и бокалы без вина. В верхних пфальцграфствах Германии пекут пирожки из белой муки и раздают нищим, которые таким образом получают их вместо умерших.

В Чехии мертвых почитают, соблюдая этикет и множество стародавних обрядов. Накануне Дня Всех Душ каждая семья собирается вокруг очага, и тогда едят не только пироги, но и выпивают много холодного молока, так как его глотки должны успокоить карающее пламя. В деревнях существует поверье, что, когда зазвонит вечерний колокол, умершие возвратятся, чтобы занять свои привычные места у очага, так что два-три стула рядом с ним всегда оставляют пустыми. Помимо этого, могилы украшают цветами и ставят множество зажженных свечей, чтобы осветить путь «бедных душ» к их домам. В Тироле на кухонном столе на всю ночь оставляют миски с молоком и пончики. Некоторые хозяева даже оставляют кувшины с холодной водой в таких местах, где испытывающий жажду дух не сможет не найти их.

В Греции в мае празднуют современный праздник тон псухон, во время которого соблюдаются точно такие же обычаи. Приготавливается коллуба и ставится на стол, покрытый самой лучшей белой скатертью. Также ставят стакан с водой и длинную тонкую свечу, которая будет гореть всю ночь. Крестьяне утверждают, что они на самом деле видели призрачные тени, вкушавшие это скромное угощение.

Обычай печь и раздавать пирожки известен в Англии и в наши дни в некоторых дальних деревнях Шропшира и Херефордшира. Не так уж много лет назад практика «кормления душ» была достаточно распространенной, особенно в районах, граничащих с Уэльсом. Мальчики и девочки ходили от одного дома к другому, распевая старые стихи и припевы народных песен, и не было дверей, у которых они не получали бы пирожок или довоенную булочку за фартинг. В различных уголках Англии долго существовала такая традиция, и Джордж Янг в 1817 г. написал, что в Уитби был обычай делать «буханки для душ» 2 ноября или приблизительно в это время. Это были маленькие пресные лепешки, и дети обычно с нетерпением ждали, когда им подарят такой хлеб. Старые люди из года в год хранили на удачу одну-две такие лепешки у себя в кухонном шкафу. Мне рассказали, что сто лет тому назад в некоторых уголках Англии, в Уилтшире и Дорсете, в День святого Симона и Иуды 28 октября или сразу после него устраивали ярмарки, выпекали булочки в виде фигурок мужчин и женщин с глазами из ягод смородины, и кажется вполне вероятным, что это и были традиционные пирожки «для душ». Стоит заметить, что святой Иуда, защитник в безнадежных делах, сын первой жены Иосифа (кто была первая жена Иосифа, обрученного мужа Богородицы Марии, в точности неизвестно. От первой

жены Иосиф имел четырех сыновей, в том числе Иуду, и двух дочерей. Восьмидесятилетним старцем Иосиф был избран первосвященниками хранителем девства Пресвятой Богородицы, давшей обет безбрачия. – *Ред.*), является одной из самых загадочных фигур во всей житийной литературе. Святой Августин (полное имя Аврелий Августин (354–430 н. э.), писатель-богослов. – *Пер.*) повествует, что именно ему мы обязаны тем догматом веры, который для многих оказался не самым легким для понимания: «Credo in... carnis resurrectionem» («Верю в воскресшую плоть». – *лат.*). По удивительной случайности, святого Иуду путают с предателем Иудой, а ведьмы и колдуны всегда вызывали его дух. Посчитали даже необходимым осудить это тяжкое богохульство, и ошибка была официально исправлена. Имеет значение то, что святого Симона часто путают с святым Симеоном, которого в Италии и по сей день считают домовым или гоблином. «Святой Антонио и святой Симеон не могут быть святыми, – сказала однажды одна ведьма Лейланду, – потому что заклинания им мы всегда творим в подвале по ночам». *Libretto di Stregonerie*, дешевая книжка народных сказок, преданий и баллад, дает точные указания, как осуществить девятидневный молитвенный обет Доброму Старика Симеону, и «наверняка вскоре после девяти дней молитв добрый старик появится в каком-либо виде и исполнит просьбу того, кто творил молитвы; но в основном он дарует удачу в лотерее». Приводятся соответствующие заклинания, которые следует повторять в полночь три ночи подряд. Если это делается в точности и ни один слог или гласная не оказываются пропущенными или неправильно произнесенными, вам явится этот добрый старик. По крайней мере, так сказала Лейланду известная колдунья. Подобно Протею (мифологическое морское божество, старец-предсказатель. – *Пер.*), этот святой мог принимать любой облик, но следовало без страха немедленно требовать то, что вы хотели узнать, иначе могло случиться какое-нибудь несчастье. Этих святых духов нельзя вызывать и беспокоить понапрасну.

Связь святых Симона и Иуды – хоть она и была путанна и ошибочна – с этой колдовской практикой поистине удивительна и, наверное, восходит к чему-то более серьезному, чем простое поверхностное сходство имен. Видимо, английский «пирожок для души», который пекли приблизительно 28 октября, следует связывать с преданиями, которые имеют отношение ко Дню Всех Душ. Они существуют – или, во всяком случае, существовали до недавнего времени – на севере до Абердина, где, по Т.Ф. Тизельтону Дайеру, до 1676 г. «в День Всех Душ делали пироги особого сорта и раздавали их тем, кто случайно зашел в дом, где их испекли. Такие пироги называли „поминальными хлебами“». В начале XIX в. такая традиция еще существовала на Гебридских островах близ западного побережья Шотландии, и в День Всех Святых хорошие жены обычно пекли большие пшеничные или ячменные лепешки в форме треугольника, которые нужно было съесть до последней крошки до следующего утра.

1 ноября во всех деревнях и городах области Абрुццо в Италии скупаются свечи, и с наступлением сумерек люди, по обычаю, зажигают их на могилах своих родственников, а другие горят всю ночь в окнах, чтобы показать умершим дорогу к их домам. В каждой кухне на столе должна стоять зажженная лампа и простая еда из хлеба и воды. В полночь с кладбища выходит жуткая процессия из мертвых, восставших из своих могил. Первыми идут души тех, чья жизнь была добропорядочной и полезной, а последними – в страшном и обезображенном виде те, кто погиб насильственной смертью или был проклят. Если человек достаточно храбр, чтобы встать на перекрестке дорог (если он совершил ритуал черной магии), он может увидеть, как проходит эта ужасная процессия. Как-то раз один человек набрался храбрости сделать это. Те призраки, которые шли впереди, велели ему уйти, пока все было хорошо. Человек отказался слушать их предостережения, но, когда этот несчастный увидел тех, которые замыкали этот призрачный кортеж, он упал на землю и на следующее утро был найден мертвым с остеклевшим взором, а его застывшее лицо было искажено ужасной гримасой.

Возвращаются не только добрые духи, но и те, которые причиняли зло при жизни. И они готовы сеять новые беды. Во время праздника Антестерии афиняне обвязывали веревками

храм и святые места, чтобы не допустить в них злых духов, присутствие которых осквернило бы святилище. Они привязывали колючие ветки крушины к дверям и окнам своих домов и мазали оконные и дверные перемычки дегтем. Габриэль Бротье в своих комментариях к «Естественной истории» Плиния переводит слово «крушина», *thamnus*, как *le Neprun*. Греки полагали, что если засунуть ветки этого растения в оконный переплет, то это помешает ведьмам войти в дом. Во многих уголках Европы даже в наши дни бытует такое же представление, и пучки веток крушины или боярышника вешают на ставни или ворота снаружи. В Англии считается несчастливой приметой приносить ветки боярышника в дом, особенно если они в цвету. Если же такая веточка случайно попадет в дом, даже если она вдета в петлицу пиджака, ее следует немедленно выбросить на улицу с парадного крыльца, а если цветы боярышника поставили в вазу или стакан, сосуд следует немедленно промыть под струей чистой воды. Во многих районах Боснии, когда женщины приходят с соболезнованиями к соседу, у которого в доме кто-то умер, они прячут под своими платками небольшую веточку боярышника, а уходя, выбрасывают ее на улице на дорогу. Считается, что, если умерший стал вампиром, он не сможет устоять против боярышника и будет так стремиться поднять ветку, что забудет о том, чтобы последовать за людьми и проникнуть в их дома.

В горных районах Шотландии существовало старое суеверие: будто бы деготь на двери дома не даст пройти ведьмам. Поразительно то, что сербы рисуют дегтем кресты на дверях своих домов и сараев, чтобы помешать вампирам войти и причинить вред им или их скоту. Похожий обычай бытует у болгар, которые верят в то, что таким способом можно сдерживать любого бродячего призрака, а усадьбу защитить от вторжения злых сил. На британском острове Мэн в те времена года, когда колдуны обладают особой силой, не было такого крестьянина, который не привязывал бы букеты майских цветов над входом в дом, чтобы охранить его от внезапного вторжения ведьм, нечистых духов и других потусторонних визитеров. Точно так же делали кресты из ветвей рябины с красными ягодами и прикрепляли их в сараях и загонх для скота, так как все знают, что рябина является самым мощным оберегом от колдунов, призраков и тому подобных дьявольских созданий.

Как мы уже видели, во время праздника Антестерии призраков родственников и тех, кого любили при жизни, привечали и угощали пищей и вином. Но в толпе добрых духов неизбежно было огромное количество зловредных призраков, и их нужно было отгонять. Так что в последний день торжеств таинственных посетителей изгоняли такими словами: «Вон из дома, из дверей, духи! Антестерия закончилась».

Самой характерной чертой вампира является его ужасная жажда крови. Кровью он поддерживает и питает свои жизненные силы; она продлевает его жизнь в состоянии смерти и смерть в состоянии жизни. Он ищет кровь, ее он должен пить. В Древней Греции мы обнаруживаем, что умерших можно увидеть в телесной форме и что кровь требуется мертвым, которые тем самым получают некоторую долю жизни и способность говорить. Более того, когда умершие так появляются и получают кровь, им требуется достаточное количество энергии и человеческой плоти, чтобы начать поединок, соревноваться в борьбе, производить на свет детей и заниматься другой очень земной деятельностью, которую легенды приписывают вампирам. Но есть один самый важный момент. Вампир – это существо несказанно злое, самое ужасное и омерзительное. В Древней Греции почти всегда без исключений именно счастливые умершие, благословенные герои возвращаются из потустороннего мира, чтобы таким способом питаться кровью, которая даст им жизнь и силы.

Именно такое представление, по крайней мере, отчасти объясняет широко распространенную во всем мире практику человеческих жертвоприношений. Считалось, что жертва каким-то мистическим образом своей льющейся кровью и любовью к жизни восполняет и усиливает жизнь бога, придает энергию божествам, отдавая им свои жизненные силы и молодость. Можно будет увидеть, что в вампиризме это рассматривается совершенно под другим углом

зрения. В древнегреческом мифе фракиец Ликург, царь Эдонии, был предан смерти, чтобы земля, которая от засухи стала бесплодной, могла восстановить свои богатства и плодородие. В принятой версии этой истории говорится, что он воспротивился богу виноградной лозы Дионису и был разорван на куски. То есть жертвоприношение было сделано духу плодородия, и чем больше крови, которой можно было напоить порождающее начало, тем больше будет урожай. Соответственно, во времена голода и большой нужды человек самого высокого происхождения, царь страны, должен был быть принесен в жертву. Точно такая история приключилась и с Пентеем, царем Фив, которого обессмертил Еврипид. В ней молодой прекрасный бог Дионис, путешествуя по всем странам, прибывает в свой собственный город Фивы:

Смотри, сын Божий явился в этот край Фив.
Даже я, Дионис, которого горячие угли небес
Воспламенили к жизни, когда та, что родила меня,
Дочь Кадма Семела, здесь умерла. И, став из бога человеком,
Я вновь иду по волнам Дирса и изучаю берег Исмена.
Да, Кадм сделал хорошо; он в чистоте
Хранит неоскверненным святилище своей дочери.
И я свои зеленые лозы здесь посадил, чтобы они
Окутали его.
Далеко за мной остался тот золотой край.

Его собственный народ тем не менее не воздал ему почести; он отказался поклоняться ему. И Дионис заставил людей признать его божественное происхождение и вселил в них безумие мономании и иступление. Но здравомыслящий царь Пентей отказывается подчиниться всеобщему воодушевлению. Он насмехается над богом и даже заключает его в тюрьму. Следуют ужасные знамения, и менады, находившиеся под действием каких-то чар, набрасываются на Пентея и разрывают его на куски, а его собственная мать Агава первая в их рядах. В этой истории нет морали; в ней нет симпатичного персонажа и большой драмы. Это откровенно кровавая сказка, и совершенно бесстрастный Еврипид не стремится как-то прикрыть это зверство или замаскировать его жестокость. На самом деле это исследование религиозного фанатизма – не враждебное, едва ли критическое, просто объективное. Наверное, один-единственный человеческий штрих в нем мы видим тогда, когда Агава приходит в себя и осознает, что она убила своего сына.

«Агава. Этот Дионис сделал это! Теперь я вижу.
Кадм. Вы его обидели! Он отверг его божественную суть.
Агава. Покажите мне тело моего любимого сына».

А позднее, когда Агава взывает к Дионису, бог не дает ответа и просто говорит, что это было неизбежно – отвратительный голый рационализм, который никуда не ведет.

«Агава. Дионис, мы молим тебя! Мы согрешили!
Дионис. Слишком поздно! Когда было время, вы знать меня не желали!
Агава. Мы сознаем. Но ты слишком скор на расправу.
Дионис. Вы насмехались надо мной, над богом, – вот ваша расплата.
Агава. Разве должен бог уподобляться горячему человеку в гневе?
Дионис. Так мой отец Зевс пожелал еще давно».

Ничего не могло быть более беспомощным и значительным, чем эта последняя строчка. И, поистине, пока мы не дошли до высокой надежды элевсинских мистерий (древнегреческие религиозные празднества в честь Деметры и Персефоны. – *Пер.*), эта беспомощность наполняет всю религию греков. Возможно, Еврипид изображал слепую безжалостность и порочность природы.

Кажется, что эти древние мифы сохраняют память о человеческих жертвоприношениях. Автор диалога, который часто приписывают Платону, Минос, говоря об ужасных обычаях, царивших среди карфагенян, добавляет, что они не были чужды и самой Греции. Он ссылается на такие жертвоприношения на горе Ликей и упоминает, что потомки Атамаса (мифологический персонаж, сын фессалийского царя Эола, муж Нефелы, которую он покинул для брака с Ино; поражен Герой безумием. – *Пер.*) мужского пола должны были быть убитыми именно таким способом. Может показаться, что культ Ликейского Зевса на этой горе в Аркадии (историческая область, ныне в Греции, на полуострове Пелопоннес, столица – Триполис. – *Пер.*) был продолжением очень древнего культа Кроноса, распространенного в этом месте, первобытный обряд которого требовал человеческого жертвоприношения. Можно отметить, что есть отчетливые указания на то, что в Афинах летний праздник Кронии обычно проводился в месяце антестерионе. Это точка зрения Августа Моммзена. А в Олимпии праздник Кроноса неизменно праздновали весной. В святилище на горе Ликей человеческие жертвоприношения продолжались регулярно даже после прихода христианства. Более того, чрезвычайно важно то, что обряды и верования жителей гор Аркадии были тесно связаны с рядом легенд об оборотнях, и часто в современных рассказах и славянских суевериях трудно отличить оборотня от вампира. На это есть очень интересная ссылка у Платона в «Республике»:

«А каковы первые шаги на пути превращения защитника в тирана? Можем ли мы сомневаться в том, что это изменение относится к тому времени, когда защитник начал действовать как человек в той широко распространенной легенде о храме Ликейского Зевса в Аркадии?»

Какой? Согласно этой легенде, верующий, который попробовал на вкус человеческие внутренности, смешанные с внутренностями других жертв, неизбежно превращается в волка. Вы никогда не слышали эту историю? А я слышал».

Плиний тоже в своей «Естественной истории» рассказывает различные истории о людях, превращавшихся в волков: «Агриопа, автор произведения о победителях Олимпийских игр, повествует о том, как житель Аркадии Деменет превратился в волка, отведав внутренностей мальчика, принесенного в жертву на горе Ликей, так как жители Аркадии имели обычай приносить в жертву Ликейскому Зевсу людей. Но через десять лет он вернул себе свой прежний облик и, победив всех остальных бойцов в боксе, получил лавровый венок победителя на Олимпийских играх». Святой Августин, автор произведения «О невероятных превращениях людей», повторяет эту легенду и пишет: «Более того, он называет некоего Деменета, который, вкусив жертвоприношений, сделанных жителями Аркадии (они убили ребенка) в честь их бога Ликея, обратился в волка и снова стал человеком по истечении десяти лет. Он стал чемпионом, победителем Олимпийских игр». Святой Исидор Севильский в своих «Истоках» упоминает «человеческие жертвоприношения, совершаемые жителями Аркадии, прикоснувшийся же к жертве, оборачивается зверем».

Очевидно, что магические свойства приписывались крови этих жертв, так что, когда призраки пробовали вкус крови, они получали магическую жизнь.

В «Одиссее» Одиссей, которому ведьма Цирцея посоветовала проконсультироваться с тенью Тиресия, провидца из Фив, отправляется в царство киммерийцев (древний индоевро-

пейский народ Северного Причерноморья, в VIII в. до н. э. под натиском пришедших с востока скифов ушел на юг, в Переднюю Азию, где, будучи носителем массовой конно-стрелковой тактики (незнакомой дотоле народам Древнего Востока), вплоть до 50-х гг. VII в. до н. э. наносил поражения и Урарту, и Ассирии, и Фригии, и другим. В середине VII в. киммерийцы были разгромлены пришедшими за ними с севера скифами, которые, догромив Ближний Восток вплоть до границ Египта, вернулись в Северное Причерноморье. – *Ред.*), всегда скрытое туманами и тьмой, куда никогда не находит путь яркий свет золотого солнца. Здесь, среди ночных теней, он ищет рощи черного тополя (осоко́ря) – границы невидимого мира. Можно вспомнить, что Вергилий сравнивает Золотую ветвь с омелой, а Кернер фон Марилиан отмечает, что «излюбленным деревом омелы является, безусловно, черный тополь (осоко́рь, *Populus nigra*). На ветвях этого дерева она разрастается поразительно буйно». Эней назвал Золотую ветвь «*ad fauces graueolentis Auerni*». Поэт (*Энеида*. VI. 201–209) говорит о голубках своей матери, которые показали герою путь:

Inde ubi uenere ad fauces graueolentis Auerni,
Tollunt se celeres liquidumque per aera lapsae
Sedibus optatis gemina super arbore sidunt,
Discolor unde auri per ramos aura refulsit.
Quale solet silius brumali frigore uiscum
Fronde uirere noua, quod non sua seminat arbos,
Et croceo fetu teretes circumdare truncos:
Talis erat species auri frondentis opaca
Pice, sic leni crepitabat brattea uento.

В русском переводе представленный текст выглядит следующим образом:

По очереди они питаются, по очереди летают,
На виду у людей,
Пока не почуют отвратительный запах,
Который исходит из темной пасти Аверна.
Они быстро взмывают ввысь,
Затем спускаются на дерево,
Где сверкает сквозь листву
Золотая ветвь.
Подобно тому, как зимой в глубоком снегу
Распускает новые цветы омела-паразит
И заново окутывает гладкие голые стебли,
Так среди тенистой зелени дуба
Виден блеск золота в листве,
Так среди шелеста деревьев
Позвякивала фольга на ветерке.

Одиссей прибыл в страну призраков Лимбо, которая находится между царством Гадеса и землей, где живут люди. Здесь у духа умершего есть облик, положение и занятие, которые были у него при жизни. Но это просто тень, видение. «Живого сердца нету в нем» (*Илиада*. XXIII. 103), у него «нет силы». И когда Одиссей вызывал тени умерших, он должен был вдохнуть в них энергию, дать им жизненные силы. Вырыта яма, и в нее льется кровь множества овец, которых он приносит в жертву могучему Гадесу и мистической Прозерпине. Быстро и беззвучно толпа теней приближается к ней изо всех уголков, томимая желанием напиться крови, но, обнажив

меч, Одиссей вынужден держать их поодаль до тех пор, пока не появится Тиресий. Даже призрак матери, которая родила и вскормила Одиссея, должен держаться на расстоянии от этой ямы. Наконец, держа в руке золотой посох прорицателя, у края ямы неподвижно застывает фигура прорицателя из Фив и просит героя вложить блистающий меч в ножны и позволить ему глотнуть крови, чтобы Тиресий смог объявить, что должно случиться вскоре. Выпив крови, он произносит свое пророчество, а затем говорит Одиссею, что глоток крови даст каждому призраку, который попробует ее, по крайней мере часть способностей живых людей и они смогут некоторое время разговаривать с героем. Соответственно, теперь мертвая мать может поговорить со своим сыном, но, когда Одиссей делает попытку обнять ее, все это оказывается тщетным, он хватается руками лишь воздух. Стоит отметить, что некоторые строки (368–481) в этом длинном и очень интересном отрывке многие переводчики считают мистической вставкой.

Среди других призраков выделяется тень Ахиллеса, а в «Гекубе» Еврипида призрак Ахиллеса требует принести в жертву на его могиле Поликсену. Хор пленных троянских женщин спешит к Гекубе с печальной вестью.

Не для того, чтобы облегчить твою боль; нет, я бремя взял
Плохие вести сообщить тебе, усилив твои муки.
Ахейцы присудили рожденную тобою Поликсену
В жертву Ахиллесу принести.

Ты же знаешь, как в блеске золотых доспехов
Стоял он на своей могиле и на бороздящие океан корабли
Наложил заклятье, что ни один из них не отплывет,
Хотя все снасти наготове и паруса на реях.

И с его губ слетел крик: «Эй, Донаан! Неужели сейчас
Не исполнишь ты своей клятвы чести, что на моей могиле
Была дана, и моя слава будет растоптана?»
И поднялась тогда волна раздоров:
Одни кричали: «Дайте его могиле жертву!» – другие: «Нет!»
Царь пламенно желал, чтоб дочь твою они бы пощадили,
Ведь Агамемнон любит твои пророческие вакханалии.
Но оба твои сына от Тесея, наследники Афин,
За твою смерть высказались оба, но что до жертвы –
Тут они во мнениях разошлись.
«Тут думать нечего: пусть кровь, живая кровь струится
По могиле Ахиллеса!» – они кричали.
«И ради этого ложа Кассандры разве кто-нибудь осмелится
предпочесть отваге Ахиллеса ее – наложницу, рабыню? –
Не будет этого вовек!» – они сказали.

В *Oedipus Coloneus* таинственный Эдип, пророча ужасное поражение фиванцам в сражении, у его могилы говорит, что его холодное мертвое тело жадно пьет их текущую теплую кровь.

Более поздние легенды об Одиссее можно найти у Павсания, Страбона, Элиана, Суидаса и некоторых других авторов. Во время своих скитаний этот герой прибыл в город Темесу в Южной Италии, в Бруттии. Здесь один из его спутников, спьяну изнасиловавший девушку, был забит камнями до смерти местными жителями. Призрак умершего стал являться в городе в таком устрашающем облике, что люди начали потихоньку покидать этот город и селиться в

другом месте. Они обратились к Дельфийскому оракулу, и тот сказал им, что для того, чтобы умиловить духа, они должны без промедления построить ему храм и каждый год на его алтаре приносить в жертву самую красивую девушку. Святилище было построено в соответствии с божественным предписанием; доступ в священные пределы под страхом смерти был запрещен всем, кроме жрецов, которые служили у этого алтаря, и здесь в годовщину смерти того человека, чтобы умиловить его дух, исполнители этого мрачного обряда приносили в жертву избранную девушку. Эта история также носит налет некоего вампиризма, так как вампир каким-то образом оказывается способным продлевать свое существование, периодически питаясь кровью, и эти возлияния должны быть обильными.

В отношении современной Греции можно сказать, что вера в вампиров имеет здесь не эллинские, а славянские корни (начиная с VI в. Греция была сильно славянизирована, но в дальнейшем греческий язык здесь победил. – *Ред.*), хотя абсолютно верно то, что какие-то элементы древнего происхождения остались, и не будет ошибкой предполагать, что в верованиях эллинов было много одновременно и ужасного, и пагубного.

9, 11 и 13 мая в Риме проходил праздник ушедших духов. Так, Лемурия тесно связана с греческой Антестерией, но, хотя сначала это торжество, возможно, было предназначено для умиротворения всех духов, добрых и злых, не может быть сомнений в том, что в более поздние времена это стало культом страха с целью оградить себя от злых призраков. Культ душ включал обожествленные души усопших и всех добрых духов. Ларалия была более домашним праздником в честь покровителя Лареса, изображения которого стояли на очаге в небольшой раке (aedes) или в небольшой частной часовне (lararium). Праздник Ларалия отмечали 1 мая, и Макробиус повествует о богине Мании, матери Лареса, и похоже, что было время, когда этому божеству делались человеческие жертвоприношения, потому что в «Сатурналии» мы читаем: «В очень древние времена существовал обычай приносить в жертву детей богине Мании. Человеческие жертвы должны были обеспечить безопасность всего рода, но после изгнания Тарквиния Юния Брута первый консул приказал, чтобы эти жертвоприношения проводились по-другому... чтобы не навлекать на себя вину за такие ужасные обряды». В связи с этими мрачными ритуалами мы можем вспомнить, что, хотя в исторические времена Мания считалась доброй матерью семейства, тем не менее похоже, что в предыстории сохранилась какая-то оккультная традиция, так как, если верить Фесту, как мы уже отмечали, слово «Мания» употреблялось в отношении обезображивания. Святой Августин рассказывает нам, что Апулей «говорит, что души людей – это *doemones* и становятся *lares*, если у них много достоинств; если они дурны, то они становятся *lemurs*, домовыми; а если достоинства неясны, то – *manes*. Но хорошо бы люди не были такими своенравными в надежде стать *lemures* или *manes*; чем больше им хочется сделать что-то дурное, тем хуже итог их превращения; они убеждены, что жертвоприношения призвут их делать зло, когда они умрут, – такими они и становятся: ведь эти *Lares* (по его словам) – это злые демоны, которые на земле были людьми».

Овидий дает полное описание Лемурии. Он действительно пишет, будто этот праздник длился только один день, 9 мая, но из подписей в календарях мы знаем, что он праздновался три дня. Некоторые подробности, приведенные поэтом, очень любопытны. Он пишет, что, когда наступает 9 мая, «в этот день должен проводиться древний обряд, церемониалы Лемурии, которые должны совершаться ночью; эти темные часы принесут с собой должные жертвоприношения безмолвным Теням... Сейчас полночь, и все вокруг окутано тишиной и погружено в сон. Даже собаки и птицы с блестящим оперением дремлют и спят. Затем тот, кто должен проводить древние церемонии, с ужасным благоговением перед небесными богами поднимается с ложа; он не надевает сандалии, а босой должен приступить к этому торжественному обряду. Ловко сведя кисти рук вместе, он щелкает большим и средним пальцами, чтобы случайно какой-нибудь призрак не помешал ему за работой. Он трижды оmyвает руки в чистой родниковой воде, отворачивается и берет горсть черных бобов. Глядя в противоположном

направлении, он бросает их через плечо и при этом кричит: „Этими бобами я плачу выкуп за себя и всех домашних“. Эти слова он должен произнести девять раз кряду и при этом не должен оглядываться назад, потому что у его плеча стоит призрак, невидимый для всех, который собирает приношение. И снова верующий оmyвает руки в чистой воде. Он должен стукнуть в медный гонг и при этом звуке заклинать призраков пощадить его дом. Девять раз он громко выкрикивает: „О, тени моих предков, уходите, прошу вас!“ И тогда, наконец, он может посмотреть вокруг, потому что теперь действительно может считать, что хорошо и должным образом исполнил эти священные таинства». Несомненно, существовала вера в то, что призрак, которого этот обряд держал на расстоянии, мог оказать какое-то нехорошее воздействие в доме и, возможно, поглотить или стремиться поглотить здоровье и жизненные силы людей, проживавших в нем. Это, разумеется, пример вампиризма, и психология такой веры далека от того, чтобы быть ложной. Люди, которые жили в домах с привидениями (или расследовали многочисленные проблемы таких домов), прекрасно знают, как такие воздействия могут высасывать жизненные силы людей, которые, к своему несчастью, оказались в этих условиях.

Подробности изгнания нечистой силы очень интересны и прекрасно компенсируют изнурительные исследования, но достаточно будет вкратце затронуть один-два главных момента. Сначала верующему предписывается не шнуровать свои сандалии, и мы сразу вспоминаем отрывок из «Исхода», в котором голос воззвал к Моисею из горящего куста и сказал: «Не подходи ближе, сними со своих ног обувь, потому что место, на котором ты стоишь, священное». И еще, когда Иосия увидел человека с обнаженным мечом, который вышел против города Иерихона, он вскричал: «Что скажет мой господин своему слуге?» И святой Михаил ответил: «Он говорит: сними башмаки с ног твоих, ибо земля, на который ты стоишь, святая». И Иосия сделал так, как ему было велено. Во время таинственных обрядов доктор Йоханнес (аббат Буллен), который умер в Лионе в 1893 г., был одет в особый наряд и шел к своему алтарю босой.

Щелканье пальцами в начале этих ритуалов можно сравнить с нобертинским церемониалом. В начале их Высокой мессы участники громко хлопают в ладоши – очень впечатляющее зрелище. Омовение рук перед началом любого торжественного обряда является естественным и распространено во всех религиях и обычно имеет место в простом этикете. Суеверие, связанное с бобами, можно найти во всех уголках мира от Японии до Перу. В последнюю ночь года японцы проводят церемонию изгнания злых духов. По разным версиям этот ритуал проходит по-разному. В некоторых местах глава семьи, одетый в великолепный наряд, берет в левую руку лакированную коробочку, полную бобов, и в полночь проходит по всем комнатам дома, разбрасывая их правой рукой, при этом произнося следующие слова: «Прочь, демоны! Придите, благополучие и богатство!» Иногда это право предоставляется слуге, что, однако, считается неправильным, а во дворце сёгуна эту церемонию исполняет священник или какой-то другой почтенный, специально выбранный человек. Он говорит такие слова: «Oni wa soto! Fuku wa uchi» («Прочь, демоны! Приди, удача!»). В доме, где прошедший год был несчастлив, каждый член семьи собирает эти бобы, подбирая один боб за каждый год своей жизни и один сверх того. Завернув их в бумагу вместе с мелкой медной монеткой, которую они потеряли о свои руки и лица, чтобы отдалить ей невезение, они выбрасывают этот небольшой сверток как можно дальше на перекрестке дорог. И это называлось «избавиться от неудач» (yaku sute).

Девять, конечно, мистическое число, кратное трем. Оно снова и снова встречается в связи с магическими ритуалами в каждой стране почти у каждого народа. В губительных заклинаниях, когда колдун завязывает узел на куске веревки или заговоренной нити, это нужно было сделать девять раз, чтобы навлечь болезнь и несчастья на врагов. В большинстве случаев злу можно успешно противодействовать, просто развязав узлы, но трудность состоит в том, чтобы найти эту веревку или нить. Так, из комментария к Корану мы узнаем, что пророк Мухаммед был околдован еврейским магом, который завязал на веревке девять узлов и спрятал ее в колодце. Пророком овладела болезнь, но архангел Гавриил обнаружил колдовство и сообщил

ему, где оно таится. Вещь со злым наговором была найдена, и святой человек произнес над ней некие заклинания. С каждой руной один из узлов развязывался, и болезнь ушла. Рассказывают, что на Оркнейских островах человек на самом деле умер по вине девяти узлов, завязанных на голубой нити в Ковентри (город в Великобритании, графство Уэст-Мидлендс. – *Пер.*) Во время знаменитого суда над ведьмами в Карригфергюсе 31 марта 1711 г. перед судьями Энтони Аптоном и Джеймсом Макартни было доказано, что мисс Мэри Данбар, приехавшая погостить к госпоже Холтридж, в доме которой начались беды и которая стала болеть необычными недугами, была схвачена и в конвульсивном припадке выкрикнула, что ее мучили три женщины. Было обнаружено, что на одном из ее передников оказались завязанными девять необычных узлов и тем самым было наложено проклятие. Салический закон (сборник обычного права салических франков, а также правило престолонаследия, восходящее к одному из положений этого кодекса. – *Пер.*) предписывал любому человеку заплатить штраф размером семьдесят два су и половину золотой монеты, если он завязал на поясе девять узлов. Среди сельских жителей современной Италии *la ghirlanda delle streghe* (колдовская гирлянда. – *ит.*) хорошо известна как одно из самых страшных заклятий. На длинной веревке плотно завязывают девять сложных узлов, а между волокнами веревки обычно всовывают перья черной курицы. Ее прячут в каком-нибудь месте, где ее вряд ли можно найти, с соответствующими проклятиями, и человек, на которого направлено это проклятие, начнет неизбежно чахнуть и хиреть. Чрезвычайно любопытно то, что – случай кажется мне очень важным, так как он доказывает, что колдовская практика и по сей день существует, – в 1886 г. в колокольне одной сельской церкви в Англии был найден шнур с завязанными на нем девятью узлами и вплетенными перьями какой-то черной птицы. Это, очевидно, было сделано совсем недавно, так как веревка была новой; вероятно, она была сплетена таким образом с какой-то определенной целью. Одна старуха в деревне вскоре опознала в ней «ведьмину лестницу», и, когда в *The Folk Lore Journal* была опубликована гравюра, была получена более полная информация, и причина этого ужасного заклятия выплыла на свет божий. У меня уже был случай упомянуть это обстоятельство, которое мне представляется особенно поучительным. Следует заметить, что завязывание девяти узлов может не только быстро навлечь зло на какого-нибудь несчастного человека, но и, наоборот, излечить и защитить. Так, шотландский заговор от растяжения запястья или лодыжки состоит в том, чтобы завязать девять узлов на грубой черной нитке и плотно завязать ее вокруг больного места, приговаривая:

Господин ехал,
А жеребенок поскользнулся.
Он упал и встал.
Сустав к суставу,
Кость к кости,
Жила к жиле.
Заживи, именем Святого Духа!

В восьмой эклоге «Фармацевтрии» Вергилия девушка, пытаясь привести к себе Дафну из города, завязывает три узла на каждой из трех веревок разного цвета:

*Terna tibi haec primum triplici diuersa colore
Licia circumbo, terque haec altaria circum
Effigiem duco; numero deus impare gaudet.*

В День Всех Святых (31 октября. – *Пер.*) в ирландском графстве Роскоммон девушки берут в рот девять зерен овса, выходят из дома и идут до тех пор, пока не услышат имя какого-

нибудь мужчины, случайно упомянутое в разговоре, – так будут звать их будущего мужа. Если девушка не будет хранить полное молчание, этот заговор не будет иметь никакого действия. В Моравии накануне дня летнего солнцестояния девушки собирают цветы девяти видов и кладут их себе под подушки, когда ложатся спать, чтобы каждой приснился ее будущий возлюбленный. Точно такой же прием используют в Фойгтланде (Германия), где девять цветов разных видов вплетают в гирлянду как раз в полдень 24 июня, и этот венок должен быть заброшен в дом, а не принесен туда обычным путем; он должен попасть внутрь не через дверь, а через окно, и в тот вечер кто бы ни положил его под подушку, тот обязательно увидит во сне будущего супруга. Следует отметить, что мистическое число девять является неотъемлемой частью всех этих заговоров, и можно точно так же описать еще гораздо большее количество заклинаний такого рода.

Тот, кто совершает обряд в праздник Лемурия, не должен оглядываться назад. Этот запрет смотреть назад во время магических церемоний встречается часто. Так, в различных частях Англии, если вы видите первое новолуние после дня летнего солнцестояния, пойдите к забору с перекладинами в уединенном месте, повернитесь к нему спиной и попросите, чтобы появился ваш возлюбленный. Его фигура пройдет мимо вас по дорожке, а вы ни при каких обстоятельствах не должны заговаривать или пытаться дотронуться до нее. А если вы оглянетесь и посмотрите через забор, чтобы посмотреть, кто идет, случится несчастье. Вполне можно понять искушение, которое будет испытывать какая-нибудь ожидающая своего возлюбленного деревенская девушка, и ее желание посмотреть через плечо. Этому любопытству почти невозможно противостоять. И я не сомневаюсь в том, что много раз, когда заговор не действовал, это приписывалось такой причине. Не просто воздерживаться от того, чтобы посмотреть назад, а на самом деле идти пятясь – вот необходимые условия заговора на «немой пирог», который обычно делался накануне Дня святой Агнессы. Этот день, 20 января, был очень важным для девушек, которые желали знать, за кого они выйдут замуж. Уильям Хендерсон в своих «Примечаниях к фольклору Северных графств Англии и приграничных районов» (1866) пишет: «Пост святой Агнессы практикуется на всей территории графств Дарем и Йоркшир. Две девушки, желающие увидеть во сне своих будущих мужей, должны на протяжении всего кануна Дня святой Агнессы воздерживаться от приема пищи и питья и разговоров; они не должны даже касаться пальцами губ. Ночью они могут испечь свой „немой пирог“, который так называется по строгому молчанию, которое сопровождает процесс его изготовления. Его ингредиенты (муку, соль, воду и т. п.) должны принести в равных пропорциях их подружки, которые также должны в равной с вышеупомянутыми девушками степени участвовать в выпекании пирога и вынимании его из печи. Затем таинственное кушанье должно быть поделено на две равные части, и каждая девушка, взяв свою долю, должна унести ее наверх, идя все время задом наперед, и наконец съесть ее и лечь в постель». Давайте вспомним, что Китс в своем изящном стихотворении «Канун святой Агнессы» ссылается на этот обычай:

...Но дева в отдаленье,
Мечтаньями тревожными полна,
День зимний этот провела в волненье,
Святой Агнессе сердцем предана,
Ждет покровительства небесного она.
Твердили ей в кругу матрон почтенном:
Девичам в эту полночь, мол, дано
Узнать восторг в виденье сокровенном,
Влюбленных речи слышать суждено,
Но надобно запомнить им одно:
Без ужина отправиться в постели

И чтоб по сторонам или в окно
Они смотреть украдкой не смели,
А у небес благих просили, что хотели.⁵

В некоторых случаях в Северной Англии тот же самый заговор использовали в День святого Файта, 6 октября, а в других районах предпочтение отдавалось Дню святой Анны 26 июля. Но это исключения, а День святой Агнессы – это тот день, в который обычно принято проводить такие гадания.

В отношении битья в гонг, чтобы отогнать призраков, следует сказать, что это же представление бытовало в некоторых уголках Китая, где привидения можно было изгнать сильным шумом, битьем в литавры и любой какофонией и пронзительными криками. В некоторых районах этой империи, когда происходило солнечное затмение, считалось, что огромный небесный дракон проглотил солнце, и жители городов и деревень выбегали на улицы и поля и старались создавать как можно больше шума колокольчиками, барабанами и цимбалами, чтобы прогнать это чудовище, пытающееся пожрать светило.

Мне показалось необходимым углубиться в подробности мистических церемоний праздника Лемурия и показать, как сильно они похожи на обряды в других странах, раз уж этот ритуал так тесно связан с идеей злых духов, которые приходят в дом и бродят по нему, чтобы питаться жизненными силами его обитателей, что само по себе является формой вампиризма. Ведьма Эрихто из великой поэмы Лукана «Фарсалия» отвратительное создание, но она скорее садистка, нежели вампир.

Едва ли нужно настойчиво подчеркивать ту исключительную тщательность, с которой в древности устраивались церемониальные погребения умерших, и ужас, которым наполнялось каждое сердце при виде непогребенного мертвого тела. Именно к этому обращается самая известная трагедия Софокла, и именно из-за оскорбления, нанесенного мертвым, Креон навлекает на весь свой дом горе и гибель. В одном из самых известных отрывков из своей поэмы Вергилий говорит о душах людей, которые не получили достойного погребения и подобающих почестей. Множество теней быстро собираются на берегу мистической реки:

Подобно листьям, что падают с деревьев
И летят вниз, когда приходит осень,
Или подобно птицам, что стаями летят
К земле из-за океана, гонимые
Холодным ветром, в поисках солнечного неба,
Они стояли, горестно моля,
Чтоб их скорее лодка забрала.
И, простирая беспомощно руки,
Они стремились к другому берегу.

Герой спрашивает свою страшную спутницу, что это за огромное скопище. «Это все те, – отвечает она, – чьи тела лежат не погребенными в земле. И они не могут переправиться через священную реку, пока их кости не найдут себе достойный покой. На протяжении долгих столетий они должны приходить на эти жуткие, мрачные берега, и, когда наконец этот томительный срок закончится, им, возможно, будет позволено переплыть реку и добраться до того места, к которому они стремятся в муках призрачной надежды».

Философ Саллюстий рассказывает о призраках мертвых, которые влачат жалкое существование в своих могилах, словно не желая с ними расстаться. Исходя из этого, он пытается

⁵ Перевод С. Сухарева.

доказать доктрину переселения души после смерти тела в новое тело. Раввин Манасей пишет, что среди евреев распространена вера в то, что в течение первого года после захоронения тела человека в могиле призрак этого человека постоянно навещает место захоронения, часто возвращаясь из тех краев, куда он отбыл, и что каким-то таинственным образом ему известно, что происходит вокруг него, и он может даже мельком заглянуть в будущее. Если верить этому ученому толкователю, в течение именно этого года ведьма из Эндора вызывала дух пророка Самуила, но по истечении этого срока она уже не получала отклика на свои попытки.

Порфирий замечает, что египтяне верили в то, что если дух животного насильно отделили от тела, то он не уходил далеко, а оставался бродить поблизости. То же самое происходило в отношении людей, которые встретили насильственную смерть. Душу, так сказать, нельзя было выгнать; она связана с телом таинственными узами тончайшей и сильнейшей общности. Тени тех людей, тела которых не получили достойного погребения, часто можно увидеть мелькающими рядом с трупом. Это хорошо известно магам, и именно это оккультное притяжение они используют, когда, получив тело или часть тела мертвого человека, они могут своими ужасными чарами заставить призрак обнаружить себя перед ними и ответить на их вопросы, потому что благодаря своей природе он будет лучше знать то, что должно случиться, чем те, чьи способности скрывает грубая телесная оболочка. Едва ли нужно говорить, что это колдовское принуждение в высшей степени жестоко и аморально. Можно вспомнить, что с помощью Эдварда Келли все стали считать, что знаменитый доктор Джон Ди заставил умершего человека встать из могилы, чтобы ответить на те вопросы, которые подсказало ему его любопытство. Есть известная картина «Маг Эдвард Келли, вызывающий дух умершего человека». Келли и Ди изображены на каком-то уединенном сельском кладбище, освещенном ущербной луной. Они стоят внутри двойного круга, в котором нарисованы знаки планет и таинственные имена: архангела Рафаила, Раэля, Тарниэля и других. Перед двумя колдунами стоит тело умершего человека в испачканном землей саване – жуткое зрелище.

Деметрий Фалерей пишет, что, когда душа животного покидает его тело, она, по верованиям египтян, получает необыкновенные способности; для этого дара есть свои мотивы, и душа не может просто предсказывать будущее и предлагать прорицания. Он утверждает, что по этой причине этот народ не ел мяса (ошибочный взгляд. Египтяне мясо ели. – *Ред.*) и поклонялся своим богам в обликах животных.

Мы уже подчеркнули, как были важны достойные похороны для покоя души. Есть, по крайней мере, один поразительный пример, когда умерший человек отказался от могилы, потому что он считал себя недостойным ее. Агатий повествует, что некие философы-язычники, которые во времена императора Юстиниана (VI в.) оказались неспособными интеллектуально принять христианское вероучение триединства, решили, что им лучше будет покинуть Константинополь и поселиться при дворе иранского царя Хосрова, где им был обещан хороший прием, так как этот монарх любил гуманитарные науки, и его везде приветствовали как необычайно щедрого покровителя литературы. И Симплиций из Киликии, и Евлакий из Фригии, и Протан из Лидии, и Гермен и Филоген из Финикии, и знаменитый неоплатонист Исидор из Газы отправились все вместе ко двору царя Сасанидского Ирана, где их приняли со всеми почестями и уважением. Но, пробыв там недолгое время, они обнаружили, что многое делает страну Хосрова для них невыносимой, и, неспешно поразмыслив, они решили вернуться на свою византийскую родину (Восточную Римскую империю, которую уже после ее падения (в 1453 г.) западноевропейские историки стали называть Византийской. – *Ред.*). По дороге домой они увидели на обочине непогребенный труп. Посчитав своим долгом сделать это, они приказали своим слугам выкопать могилу и обеспечить умершему приличное место последнего успокоения. Ночью этот человек явился одному из них в видении и несчастным голосом попросил их не трудиться ради него, так как он недостоин могилы, потому что земля, мать всех людей, отказалась принять человека, который вступил в кровосмесительную связь

со своей собственной матерью. Когда занялась заря, они, к своему ужасу, увидели, что тело выброшено из земли, словно из-за его величайшего греха оно не заслуживало ничего, кроме наивысшего бесчестия и осуждения.

Одной из самых подробных и значительных историй о призраках во всей античной литературе является один рассказ, который, наверное, правильно будет назвать рассказом о вампире, потому что в нем девушка покидает свою могилу в телесном облике и живет, будучи мертвой, хотя и не сосет кровь своего возлюбленного. Эта история рассказана Флегонем из Траллеса, вольноотпущенным Адриана, и рассказчик утверждает, что эти необыкновенные события происходили у него на глазах. К огромному сожалению, начало повествования отсутствует, и, соответственно, мы не можем с уверенностью сказать, почему оживший труп пришел к молодому человеку. Рассказ начинается неожиданно. Филинниона, дочь Демострата и его жены Харито, умерла и была похоронена уже почти шесть месяцев назад. В их доме гостил молодой человек по имени Махат. Однажды ночью старая нянька Филиннионы увидела, что в комнате гостя ярко горит лампа, и, заглянув в дверь, чтобы удостовериться, что все в порядке, обнаружила Филинниону, лежащую в постели с молодым человеком. Вне себя от радости, увидев девушку живой, нянька сразу же побежала к родителям и стала громко звать их, чтобы они пришли и обняли свое дитя, живое и здоровое, возвращенное им каким-то добрым богом. Харито, дрожа от страха и радости, упала в обморок, но, придя в себя, начала горько плакать при мысли о своей дочери и воскликнула, что нянька, должно быть, сошла с ума, и приказала ей выйти вон из комнаты. Однако старуха начала очень энергично возражать и сказала, что не обманывает мать. Наконец мать согласилась пойти с ней, украдкой заглянула в комнату и увидела свою дочь. Но, чувствуя, что в этот утренний час, задолго до зари, когда все погружено во тьму и неподвижно, она не может установить правду, не подняв на ноги весь дом, – что в таких обстоятельствах ей совсем не хочется делать, – Харито приняла решение ничего никому не говорить до утра, когда она сможет увидеть, действительно ли это ее дочь находится в доме, или, по крайней мере, она сможет попросить у Махата объяснений этой загадке.

На рассвете оказалось, что девушка исчезла, и Харито в величайшем горе настоятельно просит Махата рассказать ей всю правду, ничего не утаив. Молодой человек, который, по-видимому, не знал, что хозяйка дома потеряла дочь по имени Филинниона, сильно расстроился и признался, что какая-то влюбленная девушка разделила с ним ложе, а кто-то на ухо прошептал ему ее имя: Филинниона. Более того, она потребовала, чтобы он никому не рассказывал об их ласках. Чтобы подтвердить свой рассказ, Махат показал золотое кольцо, которое она подарила ему, а также ленточку, которую она оставила. Как только Харито увидела эти два предмета, она издала пронзительный крик, стала со стенаниями рвать на себе одежду, волосы и упала без чувств на землю. Она узнала и кольцо, и ленточку, которые принадлежали ее умершей дочери и были положены в могилу вместе с ней. Весь дом тут же охватила суматоха, со всех сторон раздавались крики и лились слезы, будто это были вторые похороны. Наконец Махату удалось утихомирить всех, пообещав позвать их ночью, если девушка снова придет к нему.

В ту ночь, как можно предположить, никто не спал; и в обычный час явилась Филинниона. Сам молодой человек был смущен и поражен и не знал, чему верить. Он и подумать не мог, что это теплое и жаждущее ласк тело, которое он обнимал, было холодным, окоченевшим трупом. И не могла же мертвая женщина есть пищу и пить вино за его здоровье. Он предположил, что, скорее всего, могильщики ограбили тело и продали украшения в городе. Однако, держа данное им обещание, он, как только она пришла, сделал знак слуге, который бесшумно выскользнул из комнаты и привел родителей девушки. Войдя в комнату, Демострат и Харито онемели от изумления, но через несколько мгновений с громкими криками стали обнимать свою дочь. Но Филинниона сказала с печалью в голосе: «О мои дорогие мать и отец, как же вы жестоки, что не дали мне три раза посетить гостя в моем собственном доме, не причиняя никому вреда. Но вы сильно будете горевать из-за своего назойливого любопытства, потому

что вскоре я снова должна буду вернуться в назначенное мне место. Узнайте также, что мой приход сюда не противоречил воле Божьей». Едва эти слова слетели с ее губ, как она упала бездыханной, и на виду у всех на постели уже лежал труп. Теперь Харито разразилась самыми пронзительными воплями, несчастный отец громко стenal, и все домашние не могли сдержать свое горе при виде вторичной смерти той, которая была так дорога им всем. Эта история тотчас разнеслась по всему городу и через час-другой вызвала настоящую сенсацию. По-видимому, о ней было официально доложено Флегону, который, вероятно, занимал какой-то высокий и важный пост в городе.

Рано утром театр заполнили горожане, и после обсуждения дела было решено вскрыть могилу, чтобы посмотреть, покоится ли в ней тело Филиннионы, положенное туда шестью месяцами ранее, или она пуста. Открыли семейный склеп, прошли мимо белеющих костей давно усопших членов семьи и обнаружили на гробе Филиннионы кольцо, которое Махат дал в качестве залога своей любви женщине, искавшей его объятий, и позолоченную чашку, которую он подарил ей. Страшно пораженные, судьи направились к дому Демострата и затем увидели труп его дочери на том же месте, где она упала в предыдущую ночь. Это вызвало сильное удивление и множество споров, пока некий провидец и предсказатель по имени Хиллус, пользовавшийся почетом и уважением, не обратился к властям, прося их ни в коем случае не разрешать, чтобы тело Филиннионы снова было положено в склеп, а проследить, чтобы оно немедленно было сожжено где-нибудь подальше от стен города. Затем он сказал, что необходимо принести жертвы Гермесу Ктонию, проводнику душ в царство мертвых, а также искупительные жертвы Евменидам (в Древних Афинах культовое наименование подземных богинь родовой местности. – *Пер.*). Отозвав в сторону Флегона, он посоветовал ему ради блага Цезаря и империи сделать жертвоприношения Гермесу, Зевсу Ксениосу, защитнику гостеприимства, и Аресу. Все обряды были должным образом исполнены. После этого весь город прошел священный ритуал очищения. А Махат из-за любви к своей мертвой возлюбленной в отчаянии лишил себя жизни.

Эту историю упоминает отец Ричард из Санторини в своем труде *Relation de ce qui s'est passй de plus remarquable a Sant-Erini* («Рассказ об удивительных событиях на острове Санторини» (Тира. – *Ред.*), в котором называет Филинниону настоящей *vrykolakas*. То, что она была безобидна, можно сравнить с другим случаем, так как отец Ричард ссылается на некоего сапожника из Санторини, который вернулся из могилы и, не вынашивая недобрых планов, заботливо присматривал за своей вдовой и детьми. Кроме того, беседа Филиннионы с Махатом и их совокупление полностью согласуются с широко распространенными в народе представлениями, ведь вампиры часто очень сексуально озабочены. Этот сапожник приходит к своей жене и общается с ней; он даже насилует других женщин в отсутствие их родственников; более того, известно, что он женился и стал отцом детей. В Древней Мексике умершие женщины (*сиуатетео*) были самыми сладострастными суккубами (демон в образе распутной женщины. – *Пер.*). Эти вампиры осаждали симпатичных молодых людей, принуждали их к совокуплению и иногда рожали детей от такого союза.

И хотя вера в вампиров не получила полного развития в Древнем Риме, тем не менее истории, подобные истории, рассказанной Флегоном, пусть и позднего происхождения, содержат в себе больше чем зародыш славянских преданий. Разумеется, очень трудно, если не невозможно, провести различие между этими призраками, жаждущими крови и питающимися жизненными силами других людей, этими злобными привидениями, столь загадочно привязанными к мертвому телу, которые могут вселить ужас и нанести вред здоровью тех, кого они терзают, и вампирами Восточной Европы. Подобно тому как, часто считается, вампиры при жизни были исключительно злобными людьми, в Риме после смерти любого человека, который заслужил всеобщую ненависть, было широко распространено поверье, что призрак ужасной злобы, его собственный изъясн, остается в его могиле. Светоний повествует, что после

убийства Калигулы 24 января 41 г. н. э. «его тело было частным образом отнесено в Сады Ламий, где было наполовину сожжено на в спешке сложенном погребальном костре, после чего было небрежно присыпано землей. Впоследствии оно было выкопано сестрами Калигулы после их возвращения из ссылки; оно было должным образом кремировано, а пепел захоронен. Но до этого всем прекрасно было известно, что сторожам Садов сильно досаждали ужасные призраки, и ни одна ночь не проходила без сильной тревоги; а дом, в котором был убит Калигула, внезапно сгорел дотла». Сады Ламий находились на Эсквилинском холме, который получил свое название из-за дубовых рощ, которые изначально его покрывали, в чаще которых долго продолжали существовать таинственные святилища: часовня Дуба и молельня Дианы. Не может быть никаких сомнений в том, что это древнее место было осквернено человеческими жертвоприношениями и пролитая там кровь влекла вампира Калигулу из его могилы. Именно на посещаемом призраками Эсквилинском холме перед деревянной статуей Приапа Канидия и Сагана проходил шабаш ведьм, как его описал Гораций, и даже на протяжении Средних веков этот холм долго пользовался дурной репутацией.

Во многих странах дуб почитали как священное дерево и жилище могущественного духа (дуб – священное дерево, в частности у кельтов и славян. С дубом связан день 21 марта. – *Ред.*). В древности пруссы поливали красной росой крови человеческих жертв могучий дуб в Ромове; а Лукан рассказывает нам о том, что в Дубовой роще друидов в Марселе каждое дерево опрыскано кровью человеческих жертв...

В Писании мы находим культ дуба, который многократно осуждается самым решительным образом. Ясно, что культы, связанные со священными дубами, играли такую важную роль в народной религии, что даже Иегова был тесно связан с ними. Поистине дуб был освящен сверхъестественными явлениями. Дубы росли в долине Мамбры, где жил Авраам, построивший алтарь Богу. Во времена христианства император Константин на этом священном месте построил церковь, и в письме, которое хранил Евсебий при жизни императора, написано, что у «дуба Мамбры», который, как говорили, был осквернен суеверными жертвоприношениями и даже того хуже, было велено, чтобы это место было освящено «непорочной постройкой базилики». Отмечается, что Иосия «взял большой камень и поставил его под дубом, чтобы это было святилищем Бога. И он сказал всем людям: „Смотрите, этот камень будет для вас свидетелем того, что он слышал все слова Бога, который он сказал вам, чтобы вы потом не отрицали этого и не лгали Господу вашему Богу“». Это чрезвычайно важно, так как из текста может показаться, что камень, положенный непосредственно под дуб, в некотором роде пропитывается святостью мистического дерева. То, что сами деревья становятся объектами поклонения, отчетливо видно из некоторых отрывков пророчеств. Так, пророк Осия говорит: «На вершинах гор они приносят жертвы и на холмах совершают хождение под дубом и тополем, и теревинфом, потому что хороша от них тень; поэтому любодействуют дочери ваши и прелюбодействуют невестки ваши. Я оставлю наказывать дочерей ваших, когда они блудодействуют, и невесток ваших, когда они прелюбодействуют, потому что вы сами – на стороне блудниц и с любodeйцами приносите жертвы, а невежественный народ гибнет» (Ос., 4: 13, 14). Любодейцы – это кедешимы, священные мужчины и юноши, «возлюбленные бога», которые в Иерусалиме жили в стенах Храма, пока в 622 до н. э. царь Иосия, взошедший на престол в 633 г. до н. э., не изгнал их. Он также уничтожил то крыло здания, где жили «женоподобные», для которых женщины ткали одежды (4 Цар., 23: 7: «И разрушил дома блудилищные, которые были при храме Господнем, где женщины ткали одежды для Астарты»). Пьер Дифур считает священную проституцию главным элементом мистического культа и говорит, что гомосексуалисты образовывали секту, в которой существовали свои собственные оккультные обряды и церемонии посвящения. Он продолжает: «Были красивые безбородые мужчины, которые в храме вели постыдную торговлю своими лишенными растительности телами, натертыми маслами и благоуханиями». Вульгата (латинский перевод Библии, используемый в католической церкви. – *Пер.*)

называет таких мужчин женоподобными; на иврите они называются кедешимы, то есть посвященные. Обычно их роль состояла в более или менее активном использовании позорных тайн; кедешимы продавали свои тела верующим в их бога иудеям и клали на алтарь идола деньги, полученные ими за проституцию.

В некоторых обрядах, проводимых ночью в глубине леса, когда лики прекрасных звезд скрыты листвой деревьев или стыдом за нечистоплотность человечества, жрецы и посвященные наносили своим телам раны – порезы и проколы; затем, подогретые пороком, возбужденные неистовой музыкой, они падали друг на друга вповалку, покрытые кровью. Похожие обычаи существовали в Древней Мексике и были связаны с тамошней верой. Берналь Диас (проживший более 100 лет (ок. 1492 – ок. 1593) испанский историк, кастильский дворянин, в 1519–1521 гг. участвовавший в завоевании Кортесом Мексики. Автор «Правдивой истории завоевания Новой Испании» (закончена в 1568 г., опубликована в 1632 г. в Мадриде. – *Ред.*) писал: «Кажется, нет ни единого молодого человека, не оскверненного отвратительным содомским грехом, совершаемым у всех на глазах». У Евсебия в «Вита Константина» (III. 55) есть важная ссылка на распутные обряды, которые даже в его время сохранялись в Афэке (Антипатрида, или Афэк, – древний город в Израиле. – *Пер.*). Никандр в «Алексифармаке», говоря о Сизике, упоминает подземные помещения, в которых приверженцы культа богини Реи подвергали себя кастрации и совершали таинственные обряды, посвященные Аттису (мифологический юноша-фригиец, возлюбленный фригийской богини Кибелы, матери богов и всего на земле. – *Пер.*). В этой связи не следует забывать превосходный дифирамб Катутлла и важное описание юноши в таких фразах, как «был палестры лучшим цветом, первым был на поле борьбы».

Пророк Иезекииль говорит: «И узнаете, что я Господь, когда пораженные будут лежать между идолами своими вокруг жертвенников их, на всяком высоком холме, и на всех вершинах гор, и под всяким зеленеющим деревом, и под всяким ветвистым дубом, на том месте, где они приносили благовонные курения всем идолам своим» (Иез., 6: 13). Исаия тоже определяет современных ему израильтян так: «Увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные» (Ис., 1: 4). И далее: «К чему Мне множество жертв ваших? Говорит Господь. Я пресыщен всесождениями овнов и туком откормленного скота; и крови тельцов, и агнцев, и козлов не хочу» (там же, 1: 11). Не может быть сомнений в том, что человеческие жертвоприношения, которые происходили в дубовых рощах в Палестине, в древние времена практиковались и на Эсквилинском холме в Риме, а пролитая человеческая кровь привлекала и вампиров, и ведьм. Психическая атмосфера, которую создавали эти кровавые мерзости, была такова, что любой дух, подобный духу маньяка Калигулы, мог собрать бездну энергии для своего появления и даже, возможно, для своей материализации.

То, что отвратительные занятия ведьм и вампиров широко владели умами людей и часто обсуждались римлянами, как это происходит в наши дни, доказывает застольная беседа Тримальчио, которую для нас сохранил Петроний в бессмертном отрывке своего знаменитого романа. Один из гостей по имени Ницерос рассказал историю об оборотне – и отличную историю! – но хозяин попытался перещеголять его своей легендой о вампире. «К тому же, – восклицает он, – я сам расскажу вам ужасную историю, столь же необыкновенную, сколь был бы рассказ об осле, скачущем по черепичной крыше. Когда я был еще кудрявым юношей – а я тогда был любвеобильным молодым Ганимедом, – умер любимец нашего покровителя. Клянусь Геркулесом, он был чудо, а не мальчик. Его бедная мать оплакивала его смерть, и некоторые из нас, тоже убитые горем, сочувствовали ей в ее страданиях. Внезапно среди ведьм поднялся такой ужасный крик, что можно было подумать, что стая лающих собак гонится за зайцем. В тот момент случилось так, что в доме находился крепкий каппадокиец, высокий храбрый парень, задира, который легко мог бы свалить Юпитера с трона со всеми его молниями. Этот юный Паладин, намотав свой плащ на левую руку и держа обнаженный меч в правой руке,

решительно выбежал из дверей и – надо же такому случиться – проткнул насквозь женщину. Мы слышали тяжкий стон, но самих ведьм – нет, не стану врать – мы не видели. По крайней мере, наш победитель вернулся и упал в обморок на кровать, потому что он весь был в синяках и кровоподтеках, как будто его всего избивали с головы до ног. Это была какая-то чертовщина. Мы быстро заперли дверь и вернулись к бедной матери, чтобы утешить ее. Но когда она пошла, чтобы обнять тело своего сына, она увидела, что нет ни сердца, ни всего остального, потому что вампиры унесли тело мальчика и оставили вместо него лишь пук соломы. Ну, что вы об этом думаете? Они довольно хитрые, а? – эти ночные ведьмы, которые за миг могут перевернуть все вверх дном. Что касается нашего отважного защитника, он так и не поправился, а через несколько дней умер в сильнейшем бреду». Надо понимать, что когда подобные истории всеми принимались на веру, то становилось необходимо – и это было не просто трудной, а опасной задачей – охранять тела умерших от таких нападений нечистой силы и вампиров. Много света проливает на эту тему тот замечательный роман, который является одной из самых известных жемчужин латинской литературы, которая сохранилась для нас благодаря цепкой хватке времени. «Метаморфозы» Апулея обладают очарованием, возможно порочным и причудливым, сравнятся с которым могут немногие книги любой литературы. Остались неразрушенными чары, которыми этот мистик-декадент заколдовал века. Сама его жизнь была романом. Апулей родился около 125 г. в Мадавре, городе на границе Нумидии и Гетулии, одном из тех удивительных городов на севере Африки, где Восток встречается с Западом, где новейшая цивилизация сталкивается и сливается с самым Древним миром. Это один из городов этого необыкновенного континента, который несет на себе проклятие Хама (один из трех сыновей Ноя (брат Сима и Иафета). За насмешки над Ноем Бог проклял Хама, сказав, что будет он «раб рабов и братьев своих» – то есть потомки Хама (африканцы) будут в подчинении у потомков его братьев. – *Ред.*). Луций Апулей насмешливо называет себя гибридом – полунумидийцем и полугетулом. По своей воле он соединяет исчезающую философию греков, утомительную мудрость римлян и навязчивый оккультизм африканцев. Величайшее произведение Апулея «Метаморфозы», вероятно, было написано в Риме, пока он был еще молодым человеком до тридцати лет, вскоре после того, как он завершил курс учебы в Афинах. По своей дерзости раннего гения, по своей озабоченности своим модным и изящным внешним видом, по своему поиску чего-то нового, по своим стремительным нападкам на сверхъестественное, которое окрашивает всю его жизнь, – и я бы хотел добавить сюда установление мира среди мистиков – Апулей или Луций из «Золотого осла» (ведь это одно и то же, как Гюйсманс и Дуртал) – очень современный тип.

То, что его история, без сомнения, происходит из того же греческого источника, откуда Луциан почерпнул свою собственную остроумную и соленую версию, ничуть не умаляет ее оригинальности. Апулей был бы оригинальным, если бы пересказал историю Трои, скитания Энея или Одиссея. Невозможно – и это было бы дерзостью – на этих страницах давать любой подробный рассказ об этом волшебном приключении. Давайте довольствуемся тем, что затронем те некоторые эпизоды, которые, может показаться, имеют некоторое отношение к вампирам, какими они были известны в античном мире. Роман начинается быстро, но не неожиданно: «Thessaliam ex negotio petebam» – «Мне довелось посетить Фессалию по делу». Самые первые слова задают тон рассказу. Фессалия, край тайн, магии и чудес. Эхо отзовется тысячью откликов. Обращаясь к страдающему от безнадежной любви деревенскому парню, Гораций восклицает:

Может ли любая ведьма, какой бы искусной она ни была,
Может ли колдун со всеми своими фессалийскими заговорами и
снадобьями,
Да могут ли сами Небеса освободить тебя от чар любви?

И снова в еще более известном отрывке он вопрошает:

Вы действительно смеетесь над снами, черной магией,
необыкновенными происшествиями, ведьмами,
ночными призраками и фессалийской порчей?

Проперций называет ведьму (saga) словом «фессала», будто это обычное определение, когда он признается в любви: «Этой страсти не могут меня лишить мои старинные друзья, не может и фессалийская колдунья смыть ее из моего сердца даже всеми очищающими водами могучего океана». Ювенал говорит о «фессалийском приворотном зелье» в связи с *magicos cantus*. Любен перефразирует *magicos cantus*, назвав их колдовскими заклинаниями, и замечает, что в Фессалии некогда в избытке приготавливались волшебные снадобья. Он же дальше объясняет, что такое приворотное зелье. Легко вспомнить, что приготовление таких напитков, которые вызывают любовь или ненависть, считалось неотъемлемой частью работы ведьмы и самым гнусным преступлением, потому что таким образом ведьма пыталась вмешиваться в естественный порядок вещей.

Почти сразу же Луций встречает двух путников, один из которых по имени Аристомен рассказывает историю, связанную с вампиризмом и колдовством, которая уже содержит очень много черт более поздних повествований. Аристомен, который путешествует по Фессалии, Этолии и Беотии, торгуя сыром, медом, приправами и засахаренными фруктами, прибывает в Гипату (совр. Ипати в номе Фтиотида, Средняя Греция), один из главных городов этого региона (в древности (в V–IV вв. до н. э.) Гипата была центром небольшой области Этея и Фтия, после римского завоевания во времена Апулея (II в.) входила в состав провинции Македония (ее крайний юг). – *Ред.*). Здесь он понимает, что зря купил такую большую партию сыров, потому что конкурирующая фирма уже заняла это место на рынке. Чтобы убить время, прежде чем пуститься в путь на следующее утро, Аристомен посещает общественные бани, и здесь в полуголодном и несчастном оборванце узнает своего бывшего друга, некоего Сократа, которого уже много месяцев считали умершим. Аристомен полон решимости помочь старому товарищу, несмотря на его мольбы оставить его погибать, и, как следует освежившись, он берет его с собой пообедать в гостинице, где развлекает его добрыми тостами, красным вином и множеством забавных сплетен. Наконец бедняга осмеливается рассказать ему свою историю. Около двух лет тому назад или даже больше он путешествовал по Македонии по делу, где ему несколько раз улыбнулась удача. Он уже отправился в обратный путь с кошельком, полным денег, когда на окраине Ларисы на него напала шайка разбойников, которые отняли у него все, что он имел. С огромным трудом он дотащился до соседнего городка и случайно остановился у таверны, которую содержала некая Мероя, очень хорошенькая, которой он поведал о своих злоключениях. Сначала она сердечно приняла его, но через некоторое время заставила его работать на себя целый день в качестве подмастерья портного, пока он не дошел до крайней нищеты. Аристомен, естественно, воспринял это признание с большим негодованием и выбранил своего друга за то, что тот не вырвался из такой унижительной неволи. Через мгновение Сократ сильно побледнел и закричал: «Тише, тише, ты глупец, если оскорбляешь женщину, столь искусную в темных таинствах. Несомненно, такой несдержанный язык навлечет на твою голову страшную месть». – «Да что ты говоришь? – насмешливо ему ответил его собеседник. – И что же она за женщина, эта трактирщица? Жена Цезаря или могущественная царица?» – «Она ведьма и колдунья, чьи могучие заклинания могут опустить на землю сами небеса, повергнуть землю в смертельный сон, превратить бегущую воду в холодный мрамор, а горы – в тающий воск, вызвать тени умерших из их могил, заставить самих богов склониться перед ее волей, погасить свет звезд и осветить самые мрачные глубины преисподней». – «Да ладно, – вскричал его друг, – давай оставим эти сантименты и будем рассуждать здраво». Но Сократ продолжает

подробно рассказывать о поступках этой женщины, и интересно отметить, что, несмотря на их необычность, есть некоторые моменты, которые можно сравнить с тем, что случалось во время судов над ведьмами в XV–XVI вв. По крайней мере, этот рассказ производит на Аристомена такое впечатление, что он решает, что для них лучше всего будет уехать на рассвете, «чтобы при содействии своих подручных эта ведьма не узнала про то, что тут было сказано, и не решила отомстить». Они хорошенько заперли дверь, и для пущей надежности Аристомен подпирает ее своей кроватью. Под воздействием хорошего вина, которое он так давно не пил, Сократ погружается в глубокий сон на своем ложе. Часы тянутся медленно, и уже перевалило за полночь, когда со страшным шумом двери распахиваются так, что соломенный тюфяк отлетает, переворачивается и накрывает собой трясущегося человека, который на нем лежит. В комнату входят две женщины ужасного вида. Одна держит в руке пылающий факел, а другая – губку и обнаженный меч. Они встают рядом с Сократом, который еще храпит, и женщина с мечом восклицает: «А и правда, сестра Пантия, это он, мой милый Эндимион; вот котик мой, что ночи и дни моими молодыми годочками наслаждался, вот тот, кто любовь мою презирал и не только клеветой меня пятнал, но замыслил прямое бегство. А я тогда должна стать еще одной Калипсо, покинутой ее Улиссом (Одиссеем. – *Ред.*)». И, указывая рукой на перевернутую постель, она продолжила: «А там лежит его достойный советчик Аристомен, который подстрекал его к этому и советовал ему сбежать. Так пусть несчастный трясется от страха, потому что я позабочусь о том, чтобы он быстро раскаялся в содеянном». Вторая ведьма предлагает убить его прямо сейчас, но Мероя решительно отвечает: «Нет, пусть живет, чтобы бросить горсть земли на тело этого бродяги и негодяя». Затем они хватают несчастного Сократа за волосы на голове, и одна из них погружает меч по самую рукоятку ему в глотку с левой стороны, а в это время другая старательно ловит хлещущую кровь в небольшой сосуд, чтобы ни капли не упало на одеяло или подушку. В то же самое время показалось, что бедняга глубоко вздохнул, и вся жизнь вышла из него вместе с кровью. Панфия мгновенно прижала губку к ране, шепча: «О морская губка, остерегайся бегущего потока». После этого, отодвинув кровать и расставя над лицом Аристомена ноги, обе женщины принялись мочиться, залив его зловоннейшей жидкостью.

Едва они перешагнули порог, как двери быстро захлопнулись, а запоры и засовы вернулись на свои места. Полумертвый от ужаса, трясаясь всеми частями тела от страха быть обвиненным в убийстве своего друга, Аристомен связал свои вещи в узелок, стараясь не шуметь, и собрался ускользнуть, никем не замеченный. Но когда он разбудил привратника, этот уважаемый человек отказался отпереть двери до рассвета, заявив, что дороги кишат грабителями, и путешественники не должны, по крайней мере ради собственной безопасности, пускаться в путь до первых петухов. Почти в отчаянии несчастный парень прокрался назад в свою комнату и принял решение совершить самоубийство, чтобы его не обвинили, как он был уверен, в смерти друга. И вот он привязывает старую веревку к потолочной балке и, стоя на табуретке, собирается оттолкнуть эту опору, когда волокна веревки, сильно подгнившие и ненадежные, рвутся, и он летит на тюфяк, на котором лежит его товарищ. Услышав этот шум, окончательно уже проснувшийся привратник вбегает в комнату, при этом Сократ подпрыгивает и громким голосом вопит, что этот человек прокрался к ним, чтобы украсть что-то, пока они спят. Теперь Аристомен вне себя от радости, но тем не менее ему не терпится уйти отсюда как можно скорее. И вот они платят за постой и вскоре уже находятся далеко в пути. Но все же Аристомен не может удержаться от того, чтобы не бросить украдкой взгляд назад, а также на шею своего товарища. Но на ней нет раны, нет никакой отметины от пореза, ссадины, шрама, и он понимает, что пережил необычайно яркий ночной кошмар, который дает повод для каких-нибудь глубоких философских замечаний на тему воздержания не только в отношении вина и крепких напитков, но и в отношении позднего ужина и обильной пищи, несварение которой приводит к таким мрачным и причудливым фантазиям. Сократ весело смеется над утренней проповедью

своего друга и вскоре признается, что быстрая ходьба и свежий утренний воздух заставили его сильно проголодаться. Они садятся в тени платановой рощи, так как солнце уже встало и набрало силу. У их ног бежит небольшой журчащий ручей, вода в котором чище, чем блестящее серебро или прозрачный хрусталь. Скромна их трапеза, но аппетит хорош. Они накрывают свой стол на лужайке: свежий хлеб и отличный сыр; вместо скатерти природа приготовила им листву с деревьев. Отдав должное завтраку, Сократ начинает ощущать жажду. Он встает, идет к ручью и наклоняется, чтобы попить. И как только его губы касаются воды, как в его горле открывается зияющая рана, губка, ее затыкающая, выпадает, и из горла течет небольшой кровавый ручей. Без единого крика Сократ падает на берегу ручья, иссохший, изможденный, отталкивающий труп, кожа да кости. Половина его тела оказывается в воде, а половина – на суше. Его спутник с трудом вытаскивает несчастные останки на берег и, боясь, что его увидит какой-нибудь случайный путник, выкапывает в песчаной почве неглубокую могилу, в которую он кладет своего несчастного друга, слегка присыпав его землей. Как будто он сам убийца, Аристомен бежит с проклятого места и, выбрав добровольную ссылку, поселяется в городке в далекой Этолии, чтобы на новом месте забыть об этих кошмарных событиях.

Мне показалось, что стоило изложить эту историю в подробностях, потому что в ней есть явные черты вампиризма. Две ведьмы – это явно вампиры в широком смысле этого слова. Следует отметить, что хотя они, разумеется, не погибли, они обладают многими качествами вампиров из легенд славянских народов. Они появляются вскоре после полуночи и, несмотря на преграду в виде запертых дверей, способны сверхъестественным способом войти в комнату своей жертвы, которая остается спящей и не знает об их нападении. Однако на следующее утро человек жалуется на некоторую слабость и вялость, а его товарищ замечает, что за завтраком он мертвенно-бледен, как самшит. К тому же вампиры высасывают кровь с левой стороны горла, и кажется несомненным, что та осторожность, с которой они набирают кровь в сосуд, стараясь не пролить ни капли, – это результат того, что они хотят сохранить этот драгоценный напиток жизни, чтобы восстановить свои собственные жизненные силы. После их ухода все остается так, как было до их насильственного вторжения, а человек, который оказался свидетелем происходящего, пребывает в трансе или оцепенении, так что на следующее утро он может почти убедить себя в том, что стал жертвой особенно страшного кошмара, обстоятельства которого полностью перекликаются со славянскими преданиями. Тот факт, что вампиры приходят только один раз и высасывают кровь жертвы, так сказать, за один присест, – это очень незначительная деталь, которая скорее относится к литературному удобству, нежели к какому-нибудь верованию или суеверию.

В ходе романа Апулея Луций прибывает в Гипату, где снимает жилье у некоего Милона, вымогателя-скупердяя, жена которого Памфила имеет дурную репутацию известной и могущественной колдуньи. Бродя по улицам, чтобы насладиться красотами этого города, Луций знакомится с богатой женщиной, занимающей высокое положение в обществе, подругой его матери Бирреной, которая сердечно приветствует его. Но когда она узнает, где поселился Луций, то проявляет необычайное беспокойство. Она приглашает его на прием в свой дом, и во время застолья разговор, как это бывает, зашел о красоте и богатствах Фессалии, которую восхваляют с большим чувством и красноречием. Луция спрашивают, как ему нравится в Гипате. «Если я не ошибаюсь, – говорит дама, – наши храмы, общественные бани и другие великолепные здания сильно превосходят то, что можно увидеть в любом другом городе Греции. Только здесь из всех уголков Земли человек может насладиться всем, что ни попробует. Если вы здесь по делу и прибыли на людную ярмарку, на наших улицах и площадях можно увидеть суету самого Рима. Если вы склонны к уединению и ищите покоя, вы можете найти это в тиши наших загородных домов и вилл, которые стоят в уединении среди прекрасных садов». – «Все это, – честно признает Луций, – истинная правда. Но, несмотря на все привлекательные стороны этого очаровательного города и свободу, которой здесь можно пользоваться, меня чудовищно

страшат мрачные тайны и ужасные чары черной магии. Ведь часто сообщают, что здесь, в Фессалии, даже могилы мертвых небезопасны, что невидимые руки крадут части и останки трупов из могил – да что там! – даже с самих погребальных костров и что своими заклинаниями они навлекают на живых людей самые ужасные несчастья. Говорят, что этих жадных ведьм иногда видят торопливо шныряющими у могил даже еще до того, как на кладбище прибывает похоронная процессия». – «Все это в достаточной мере правда, – заметил один из гостей. – И я могу сказать вам кое-что еще: они не щадят даже живых людей. Один известный мне человек – я не буду называть имен – ужасно пострадал от нападения этих ведьм, а его лицо исказилось самой непотребной гримасой». При этих словах гости начали громко смеяться, после чего один из приглашенных встал и в глубоком негодовании начал пробираться к выходу. Однако хозяйка вернула его назад ласковыми речами и попросила его рассказать историю, которая с ним приключилась. «Нет, нет, мой милый Телефрон, – воскликнула она, – умоляю вас остаться и рассказать нам в вашей обычной благодушной манере о происшествии, которое случилось с вами и которое нас всех так опечалило». Поворчав на неучтивость некоторых гостей, молодой человек согласился вернуться и рассказать всем присутствующим о неприятном случае, с ним приключившемся. Телефрон был молодым студентом, который, путешествуя без забот о расходах по Фессалии, оказался в Ларисе без гроша в кармане и усиленно думал, как восполнить свои финансы. Бродя по рыночной площади, он удивился, услышав, как какой-то старик громко объявил: «Если кто-то согласится постоять на страже мертвого тела, тот будет щедро вознагражден». – «Что, черт побери, это значит? – спросил Телефрон прохожего. – Что, мертвые в этих краях имеют обыкновение сбегать?» – «Лучше придержи язык, – был краткий и резкий ответ. – Ты всего лишь зеленый юнец, чужестранец, надо полагать, и не знаешь, что по всей Фессалии ведьмы рыскают в поисках мертвых тел, чтобы использовать их как ингредиенты при приготовлении амулетов и заговоров». – «Да, но скажите же, в чем состоит это дежурство у мертвого тела?» И Телефрону было сказано, что тот, кто возьмет на себя эту печальную обязанность, должен бодрствовать всю ночь, уставившись на труп. Он должен не смыкать глаз, так как именно в тот момент, когда сторож начнет клевать носом, ведьмы, приняв облик какого-нибудь животного, прокрадутся к телу и застанут сторожа врасплох. Они могут проникнуть в помещение в облике небольших птиц, мышей, даже мух и паразитов, чтобы с помощью своих чар погрузить караульного в сон и осуществить свои ужасные цели. Такое бодрствование, по совести, было достаточно опасным, и все же за эту услугу можно получить не больше четырех или, самое большее, шесть золотых монет. Самый острый момент был в конце, так как, по закону, любой человек, согласившийся на такое дежурство, на следующее утро должен сдать мертвое тело в целости и сохранности, а если какой-то его части будет не хватать, он будет вынужден возместить нехватку недостающего органа за счет своего собственного тела. Тем не менее юный студент находился в таких стесненных обстоятельствах, что вызвался на это дело. Его тут же привели в прекрасный особняк, где в затемненной спальне лежало тело усопшего, которое его попросили защитить от ужасных гарпий. Телефрон считал, что все эти рассказы – чепуха. Но в спальню вошли семь свидетелей, в присутствии которых было зафиксировано, что тело находится в целости. Телефрона оставили одного с большой лампой, в которой было достаточное количество масла, чтобы она горела до утра, но в пище и вине, которые он попросил, ему было категорически отказано. Спустилась ночь, в тишине проходили часы, и тени становились все темнее, пока юный студент, который был храбрым в присутствии других людей, не начал испытывать холодный ужас от медленно тянущихся минут. Внезапно он почувствовал движение у своих ног и увидел небольшую ласку, которая прокралась в комнату и пристально глядела на него злыми красными глазами. Вид этого зверька взбудрил Телефрона на какое-то время, и, закричав, он уже собирался убить ласку, когда в мгновение ока та юркнула за дверь. Почти в тот же самый момент глубокий сон сморил Телефрона, и он не пришел в себя, пока под окном не закричали громко петухи, приветствуя алую зарю. В панике он бросился к телу,

чтобы осмотреть его, но на нем не оказалось никаких признаков какого-либо увечья. Вскоре вошли члены семьи умершего. Тело было тщательно осмотрено, и молодого человека поздравили с усердным исполнением задания. Ему заплатили обещанное, но, к сожалению, возбужденный своей удачей, он сказал хозяйке: «Я с готовностью сделаю такую же работу, как только вам потребуются мои услуги». Это были слова самого дурного предзнаменования, так как они предвещали вскоре еще одну смерть в этом доме. И в ответ на такие речи Телефрона тотчас выкинули за дверь со смачными проклятиями и побоями.

Болтаясь по улицам и горько сожалея о своем недостойном высказывании, Телефрон увидел помпезную похоронную процессию со всеми внешними признаками церемониальной скорби. Похороны, однако, были прерваны самым плачевным образом, так как подбежал старик и заявил, что его племянник, который лежит на похоронных дрогах, был отравлен, а его вдова, которая сейчас притворяется обезумевшей от горя, обвиняется в этом преступлении. Толпа сразу же разделилась на сторонников и противников этой версии, и казалось, что назревает нечто вроде бунта. Было решено передать дело в руки египетского колдуна, который согласился вызвать с помощью своих оккультных приемов дух умершего, чтобы тот сам, ожив, мог рассказать о своей кончине. После неких таинственных заклинаний, к ужасу зрителей, труп пошевелился, и показалось, что из его уст зазвучал глухой голос. По знаку колдуна умерший заявил, что он действительно безвременно расстался с жизнью благодаря злодейскому искусству своей супруги. Мгновенно поднялся ужасный шум, но вскоре стало очевидно, что многие считают всю эту процедуру колдовством и что женщину ложно обвиняют благодаря гнусным чарам мага, который был подкуплен с этой целью. Однако, когда воцарилась тишина, мертвец сказал: «Я предоставлю вам неопровержимое доказательство правдивости своих слов, раскрыв факт, который не известен больше никому, кроме меня». И тогда своей холодной рукой он указал на дрожащего Телефрона и продолжил:

«Прошлой ночью, когда этот человек добросовестно караулил мои бранные останки, вампиры и ведьмы, которые бродили поблизости, чтобы овладеть ими, увидели, что не могут обмануть его бдительность и своими чарами повергли его в глубокий сон. И как только его глаза закрылись, с помощью сильных заклинаний они стали звать меня по имени, а мои коченеющие члены старались выполнить повеление, содержащееся в заклинаниях.

По воле случая этот человек носит то же имя, что и я, и в своем трансе, слыша, что его зовут, он встал и бессознательно пошел к двери. Окна были закрыты ставнями, а дверь крепко заперта, но вампиры все же проникли через щели и отрезали сначала его нос, а затем два уха. Чтобы скрыть на какое-то время свои ужасные деяния, они сделали эти же части тела из воска и налепили на раны. Вот он стоит, этот несчастный бедняга, который заработал свою щедрую награду не за свое бдение, а за то, что получил такое тяжелое увечье».

Услышав эти слова, Телефрон мгновенно рукой потрогал нос и уши и лишь убедился в правдивости этого рассказа. Обезумев от стыда и ужаса, он побежал через толпу и быстро скрылся. Он прикрыл свои раны, как только мог, чтобы они выглядели прилично, но больше никогда он не осмелился вернуться в свой родной город Милет и волей-неволей был вынужден зарабатывать себе на жизнь в том городе, где о его несчастье знали и где оно вызывало жалость и сострадание, а не удивление и отвращение.

Полагаю, нельзя отрицать, что здесь мы имеем легенду о вампиризме в чистом виде, и есть несколько моментов, которые в связи с более поздними суевериями и верованиями заслуживают особого внимания. Во-первых, в ней говорится, что ведьмы-вампиры, которые хотят изуверчить мертвое тело, обычно принимают вид небольших животных и в таком виде неожиданно проникают в помещение незамеченными. Де Ланкр искренне замечает: «Злые духи знают тысячу способов, как ввести в заблуждение людей и причинить им вред. Если змеиная хитрость не помогает, они обретают силу льва и ловкость обезьяны». Появление в комнате мышей, мух или даже паразитов, которые могут оказаться злыми духами или их подручными,

столь преобразившимися, можно сравнить с рассказами завсегдатаев английских судов над колдуньями. В XVII в. обычной практикой при расследовании дел такого рода было «наблюдение за ведьмой». Именно так обстояло дело в Восточной Англии во время деятельности Мэтью Хопкинса с 1645 по 1647 г. – эту процедуру подробно описал преподобный Джон Гол в его работе «Избранные дела ведьм и случаи колдовства» (Лондон, 1646). Следует помнить, что, хотя Гол горячо не одобрял Хопкинса и все его приемы, он тем не менее твердо верил в колдовство и его эффективность. Гол пишет: «Взяв подозреваемую в колдовстве ведьму, он сажал ее на стул или стол посреди комнаты со скрещенными ногами или в какой-нибудь другой неудобной позе, причем если она не подчинялась, то ее связывали в этой позе веревками. После этого за ней начинали наблюдать, не давая ей ни мяса, ни сна на протяжении суток (так как говорят, что в течение этого времени можно увидеть, как приходит ее бес). В двери делали небольшое отверстие, чтобы в него мог проникнуть ее бес. А чтобы он не пришел в каком-нибудь менее различимом облике, те, кто вели наблюдение, должны были время от времени подметать комнату, и если они видели каких-нибудь пауков или мух, то должны были их убить. А если у них не получалось убить их, то тогда они могли быть уверены, что это ее бесы».

Широко была распространена вера в то, что ведьма или вампир путем материализации могут войти в комнату через малейшую щель, что, несомненно, было связано с той внезапно рождающейся неустойчивой структурой, известной как эктоплазма, которая, как часто утверждают, обладает свойством проникновения в материю. Зафиксировано, что в случае спиритического сеанса 25 ноября 1909 г. с медиумом Эвой С. появился светящийся дым, который превратился в длинную белую полосу и вскоре обрел цельную форму, хотя он вытекал из шкафа в виде полосы мягкой субстанции белого цвета, иногда приобретая форму зигзага или волн. Можно привести огромное количество примеров такой материализации с последующим застыванием, но достаточно будет сослаться на великое произведение Шренк-Нотцинга «Явления материализации». Святой Фома утверждает, что, хотя падшие ангелы или демоны потеряли со своим падением все свои сверхъестественные способности, они сохранили те из них, которые неотделимы от их естественного существования. И среди них не последнее место занимает способность работать с материей, переносить ее с места на место, принимать человеческий облик и воздействовать на человека. Поэтому они способны содействовать этим процессам материализации, достигая тонкости структуры, способной проникнуть в материальные объекты и преобразовать себя в осязаемое и цельное тело. Именно этой способности мы должны приписать появление в экспериментальной комнате предметов, которых изначально в ней не было. Такие предметы известны под термином «поступления». В издании «Лайт» от 25 ноября 1910 г. был помещен отчет о таких феноменах, которые имели место во время сеансов с Чарлзом Бейли в Австралии. «Среди таких „поступлений“ были: индейское одеяло с человеческим скальпом и томагавком; свинцовая болванка, которая будто бы была найдена в Риме в культурном слое времен Римской империи и на которой было написано имя Август; некоторое количество гравия, якобы из Центральной Америки, который был совершенно не похож на тот, что можно увидеть в Австралии; две превосходные глиняные таблички, покрытые клинописью, возраст которых составлял несколько тысяч лет и которые якобы попали туда прямоком из Месопотамии; и, наконец, птичье гнездо с несколькими яйцами и, без сомнения, живой птицей, мамашей будущих птенцов». На встречах господ Херна и Уильямса часто появлялись хрупкие цветы и букеты из них, причем при закрытых дверях.

Ласка была весьма распространенным обликом, который принимала ведьма или ее подручный. В 1588 г. ведьма призналась во всем: «У нее было три духа: один – дух кошки, который она звала Лайтфут (легкая поступь. – *англ.*), другой – жабы, который носил имя Ланч (обед. – *англ.*), и третий – ласки, который звался Мейкшифт (замена. – *англ.*)... Кошка должна была убивать коров, ласка – лошадей, а жаба – вселяться в тела людей и мучить их. Жила некая мать У. великого Т., у которой был дух ласки. Ее сильно обидел некий Х. М. Она пошла домой и

вызвала свой дух, который находился в горшке, стоявшем под ее кроватью. Она приказала духу вселиться в тело того человека и изводить его. Он спросил, что она ему даст. Она ответила, что даст ему петуха, что и было сделано». Про другую ведьму в 1593 г. записано, что «у нее было три или четыре беса: один был похож на серого кота, второй – на ласку, а еще один – на мышь». Джордж Гиффард в своем «Диалоге о ведьмах» пишет: «У ведьм есть духи; у одних один, у других больше – два, три, четыре или пять; одни из них одного вида, другие другого, вроде кошек, ласк, жаб или мышей, которых они кормят молоком или курятиной или время от времени разрешают им пососать кровь».

В некоторых районах крестьяне относились к ласке с благоговейным страхом. И хотя карпатские гуцулы верили, что укус этого животного ядовит и что оно может нанести серьезный урон скоту, они всячески старались не убивать ласок, чтобы все их племя не стало мстить за смерть их сородича стадам его убийцы. У гуцулов даже был праздник в честь ласок либо в День святого Матфея 21 сентября, либо в День святой Катерины 25 ноября. И на какой бы день ни был назначен этот праздник, он должен был соблюдаться, и в этот день нельзя было делать никакую работу, чтобы не обидеть ласок и чтобы они не причинили вреда домашней птице и скотине.

Даже среди первых христиан, по-видимому, существовало представление о том, что духи мертвых материальны, и это породило много суеверий и любопытных обрядов, которые, безусловно, никогда не были официально разрешены; их отвергали и пресекали. Возможно, только благодаря своему незнанию философской терминологии Тертуллиан (ок. 160 – после 200; раннехристианский писатель и теолог. – *Пер.*) считал, что все предметы, духи и даже сам Бог должны иметь телесную оболочку. Тертуллиан доходит до того, что говорит, что однажды видел человеческую душу в виде мягкого свечения воздуха, но при этом она тем не менее была по-своему материальна. Можно заметить, что его официальный разрыв с церковью в Карфагене произошел в 211 г. (Харнак), а де Лабриоль относит написание произведения *De Anima* («О душе») к 208–211 гг., так что не может быть никаких сомнений в том, что оно было написано под влиянием монтанистов (члены раннехристианской секты последователей жреца Монтана во Фригии (I–VI вв.). – *Пер.*). Хотя новые толкования Священного Писания еще не были догматически осуждены, автор не стал открыто порывать с церковью. Как учит этот длинный психологический трактат, если даже Бог есть *corpus* (тело), то во много раз больше это относится к душам *ex traduce*. Уже было отмечено, и это вовсе не было преувеличением, что учение Тертуллиана представляет собой просто усовершенствованный материализм стоиков, поддерживаемый паралогическими толкованиями Писания, посредством которых благодаря неизбежной беспристрастности языка Святой Дух создан для того, чтобы воцарился метафизический, но очень определенный материализм. В этой связи мы не должны терять из виду тот факт, что влияние сурового африканского аскета было огромным и сохранялось долго, перемещаясь различными путями. Святой Киприан обычно говорил: «*Da magistum*», когда просил почитать какую-нибудь книгу этого великого писателя для ежедневных раздумий. Святой Ириней Лионский (один из первых Отцов Церкви, ведущий богослов II в. – *Пер.*) учит, что после смерти душа сохраняет облик, который имело тело при жизни, и часто она может оставаться связанной с телом и сохранять ясную память обо всем, что она сделала или не сделала во время жизни на земле. Можно заметить, что все это подтверждают те люди, которые исследовали дома с привидениями и явления призраков. Несомненно то, что по непонятным нам законам призрак – это нечто материальное. Майкл Гликас повествует в своих «Анналах» (ч. 4), что император Василий, потеряв горячо любимого сына, обратился к базилийскому монаху из Сантабарена, и этот оккультист вызвал явление мертвого мальчика. Император не только видел, но и даже говорил со своим ребенком, которого он долго держал в своих объятиях. Это был необычный фантом или тень, которую могущественный мастер черной магии по просьбе своего господина вызвал к жизни.

Точно так же, как в том случае, когда призраков можно было коснуться и они не были видением или галлюцинацией, они, с другой стороны, могли оставлять видимые доказательства своего появления. Этому есть много примеров, но стоит привести случай, о котором сообщалось в газете «Сан-францисский наблюдатель» от 29 ноября 1891 г. Фермер по имени Уолсингем и его семья въехали в дом в Оуквилле на реке Саванне. С первых дней им стали досажать ночные звонки дверного колокольчика, хлопанье дверей и опрокидывающаяся мебель. Сначала они относили это на счет вредных соседей, которые, возможно, по какой-то причине не хотели, чтобы в этом доме появились жильцы. Но беспорядок усиливался, и не прошло и недели, как дом стал еженощно оглашаться криками и воплями, за которыми раздавался самый отвратительный хохот и долгий завывающий плач, наводящий настоящий ужас; эти звуки иногда, казалось, начинались в комнате наверху, а иногда доносились из сада. Однажды вечером, когда дочь хозяина дома, юная девушка, сидела перед зеркалом и переодевалась, она почувствовала, как ей на плечо легла чья-то рука. Решив, что это ее мать или сестра, она взглянула в зеркало перед собой, но, к своему удивлению, увидела, что в нем нет никакого другого отражения, кроме ее собственного. Опустив глаза, она различила широкую мужскую руку, схватившую ее за плечо. Все домочадцы немедленно побежали на ее крики, но, когда они оказались рядом с ней, таинственная рука уже исчезла, хотя на плече девушки остались синяки в виде следов от пальцев в тех местах, где они грубо схватили ее. На следующий вечер, когда все сидели за ужином с несколькими гостями, над их головами раздался громкий стон, и через несколько минут один из гостей указал на пятно, которое медленно расплывалось на скатерти, и все увидели, что какая-то жидкость капает на стол с потолка. Она была настолько похожа на только что пролитую кровь, что все присутствующие в ужасе вскочили с мест, а господин Уолсингем с несколькими гостями поспешно ринулись наверх, в комнату, которая располагалась прямо над столовой. На полу лежал ковер, и ничто не указывало на источник ужасной влаги. Ковер был немедленно снят, но все увидели, что доски абсолютно сухи и даже покрыты легкой пылью. Однако все то время, в течение которого продолжалось исследование пола, красный дождь, как говорили оставшиеся внизу люди, падал не переставая. Ужасное пятно достигло размеров обеденной тарелки, прежде чем жидкость наконец перестала капать. На следующий день пятно изучили под микроскопом несколько опытных химиков и объявили, что это, без сомнения, человеческая кровь. В тот же день семья Уолсингем покинула этот дом, и, хотя сотни людей приходили в него, только один осмелился остаться там до сумерек. Это был молодой человек, который глупо поспорил, что проведет в доме ночь, и решил выиграть пари. Вскоре после наступления темноты он попытался развести огонь в одной из комнат и зажечь мощную лампу. К его удивлению, лампа мгновенно погасла, и, хотя молодой человек ничего не видел, он слышал, как кто-то злобно выгребает угли из очага и гасит тлеющие дрова. Вскоре начались шумы, которые продолжались в течение часа. Были и другие ужасы, и наконец, охваченный паникой, юноша заставил себя попытаться бежать из дома с привидениями. Пробираясь на ощупь в темноте, он почти добрался до двери, когда почувствовал, что его схватили за лодыжку и с силой бросили на землю. Тут же его схватили ледяные руки, которые пытались добраться до его горла. Молодой человек изо всех сил боролся со своим невидимым врагом, но быстро оказался побежденным и потерял сознание от удушья. Когда наутро друзья нашли его, шея юноши была черной от отметин длинных тонких пальцев и покрыта царапинами, сделанными безжалостными кривыми ногтями. С огромным трудом приведенный в сознание, молодой человек на протяжении многих недель лежал в постели, страдая от потрясения и упадка сил. Доктора не смогли объяснить необычно анемичное состояние его тела, хотя он был молодым человеком очень крепкого телосложения. Пишут, что не было дано никаких объяснений всем этим ужасам, но кажется очевидным, что в этот дом являлся вампир, хотя данное объяснение этого явления нельзя считать установленным, раз никакого расследования не было проведено. Кажется, вскоре после этих событий дом был сожжен дотла, так как это

был единственный способ избавить это место от таких опасных проявлений. Здесь перед нами потрясающий пример призрака из семейства вампиров, который был достаточно материален, чтобы загасить лампу, разбросать угли, бросить спортивного молодого человека на землю и чуть не задушить его насмерть.

Благодаря распространенной вере в то, что духи умерших по-прежнему сохраняют материальную оболочку и даже испытывают голод и жажду, в некоторых епархиях появился обычай приносить на могилы еду и съедать ее там, так как умерших, считалось, можно подкрепить и утешить легкой закуской. Этот обычай особенно соблюдался у гробниц мучеников. По-видимому, его смешивали с неким неясным языческим суеверием насчет того, что душам предков необходимы жертвы в виде еды и питья, чтобы их умиловать. Святой Амвросий (миланский епископ, проповедник, один из четырех великих латинских учителей церкви. – *Пер.*) особенно запрещал такие проявления язычества, и в своих «Признаниях» он рассказывает нам, как святая Моника (354–430; мать Блаженного Августина, епископа Гиппонского, автора книг о вере и церкви. – *Пер.*) отказалась от этого давнего обычая. «Одно время моя мать приносила в молельни, воздвигнутые в память о святых, сырны лепешки, хлеб и вино, как это было принято в Африке. Но церковный сторож запретил ей делать это. А как только она узнала, что это запретил епископ, она столь благочестиво и послушно согласилась с этим, что я сам удивился тому, что ее так легко можно было заставить скорее винить обычай своей собственной родины, нежели подвергнуть сомнению это распоряжение. Ведь не вино дурманило ее рассудок и не любовь к нему возбудила в ней ненависть к правде, как это происходит со многими женщинами и мужчинами, которые, попробовав вина, отказываются от трезвости, отвергая глоток воды. Но она, принеся корзинку с обычными сладостями, которые она собиралась отчасти съесть, а остальное раздать, никогда не позволяла себе выпить больше маленькой бутылочки вина, сильно разбавленного водой, как она любила, которое она благочестиво пила по глоточку. А если было много молебнов в честь усопших святых, которых следовало почитать подобным образом, она по-прежнему несла с собой все ту же бутылочку, содержимое которой становилось тепловатым, но она ходила с ней во все подобные места и делилась ее содержимым с теми, кто оказывался рядом; ведь она приходила туда в поисках молитвы, а не удовольствий.

Поэтому, когда она обнаружила, что этот обычай запрещен распоряжением самого известного проповедника и самого набожного прелата Амвросия даже для тех, кто стал бы соблюдать его благоразумно, чтобы не дать возможности пойти в разгул тем, кто слишком любил пить вино, и чтобы эти празднования годовщин смерти предков не очень походили на языческие, она впредь охотно стала воздерживаться от вина и вместо корзинки с фруктами научилась теперь нести в места молебнов за мучеников душу, полную простых молитв. Она могла раздать бедным все, что у нее было, чтобы достойно отпраздновать причащение тела Господня в тех местах, где по примеру Его страстей эти мученики были принесены в жертву и увенчаны терновыми венцами».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.